

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ТЁМНОЕ
ВНИМАНИЕ

Эдуард Сероусов
Тёмное внимание

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Тёмное внимание / Э. Сероусов — «Автор», 2026

2157 год. Человечество колонизировало Солнечную систему и готовится к межзвёздным путешествиям. Но открытие доктора Юн Ли обрушивает всё, что мы знали о Вселенной. Тёмная материя — не вещество. Это *внимание*. 85% массы Вселенной создаётся взглядом существ, наблюдающих наш космос извне. Галактики формируются там, где им *интересно*. И данные показывают: интерес к человечеству падает. Что делать, когда боги теряют к тебе интерес? Развлекать их? Стать одним из них? Или найти способ существовать без их взгляда? Три пути. Три цены. Один выбор — для каждого из нас. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Обнаружение	5
Глава 1: Аномалия	5
Глава 2: Верификация	18
Глава 3: Падение	30
Глава 4: Совет	40
Глава 5: Отправление	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эдуард Сероусов

Тёмное внимание

Часть I: Обнаружение

Глава 1: Аномалия

Кофе остыл сорок минут назад.

Юн Ли знала это с той же бесстрастной точностью, с какой знала период обращения Луны вокруг Земли или массу электрона. Термокружка стояла справа от клавиатуры – ровно там, куда она поставила её в 23:47 по стандартному лунному времени, намереваясь сделать глоток через пару минут, как только закончит текущий массив. Пара минут растянулась. Данные потребовали внимания. Кофе перестал существовать как объект, заслуживающий мысли.

Третья неделя без выходных. Юн не считала – просто в какой-то момент перестала возвращаться в жилой модуль на ночь. Диван в углу лаборатории оказался достаточно удобным. Душевая кабина – в конце коридора. Автоматы с едой – этажом ниже. Всё необходимое для существования находилось в радиусе ста метров от её рабочего терминала.

Экраны мерцали синим светом, отбрасывая на её лицо холодные блики. Пять мониторов полукругом – два с необработанными данными, один с визуализацией гравитационных аномалий, один с журналом системных сообщений, последний – с бесконечной простыней уравнений, которые она писала и переписывала последние восемнадцать часов.

Юн потёрла глаза под очками. Оправа – старомодная, тёмно-коричневая, с крохотной царапиной на левой дужке – давила на переносицу. Она могла бы исправить зрение за полчаса в любой клинике; к 2157 году это стало рутинной процедурой, не сложнее удаления зуба мудрости. Но очки остались. Мать подарила их перед поступлением в Кембридж – сорок лет назад, в другой жизни. Юн была в них, когда защитила диссертацию. Была в них, когда получила грант на «Призму». Была в них, когда впервые увидела данные, которые перевернут всё, что человечество знало о Вселенной.

Талисманы иррациональны. Юн Ли, доктор физических наук, руководитель крупнейшего проекта по изучению тёмной материи в истории человечества, понимала это лучше большинства. И всё равно не снимала очки.

Лаборатория «Призмы» располагалась в кратере Дедал – на обратной стороне Луны, в вечной тени, куда никогда не падал солнечный свет и откуда не было видно Земли. Идеальное место для детекторов, которым требовалась абсолютная изоляция от электромагнитных помех. Сорок квадратных километров оборудования, семьсот человек персонала, бюджет, сравнимый с ВВП небольшой страны – всё ради одного вопроса.

Что такое тёмная материя?

Восемьдесят пять процентов всей материи во Вселенной. Невидимая. Неосязаемая. Не взаимодействующая с электромагнитным излучением. Обнаруживаемая только по гравитационным эффектам – по тому, как вращаются галактики, как искривляется свет далёких звёзд, как формируются крупномасштабные структуры космоса.

Тридцать лет Юн искала ответ. Тридцать лет данных, гипотез, разочарований. WIMPs, аксионы, стерильные нейтрино – все кандидаты проверены, все отвергнуты. Тёмная материя существовала – это было несомненно. Но *что* она такое – оставалось загадкой.

До сегодняшней ночи.

Юн откинулась в кресле, позвоночник хрустнул в трёх местах. Ей было пятьдесят шесть лет, и тело начинало напоминать о себе способами, которые она предпочла бы игнорировать. Медицина могла продлить жизнь до ста восьмидесяти лет – но не могла отменить усталость. Не могла отменить гудение в висках после двадцати часов непрерывной работы. Не могла отменить сухость в глазах, которая превращала мерцание экранов в пытку.

Она всё равно не отрывала взгляд от данных.

Аномалия появилась в 02:17. Рутинная проверка – одна из тысяч, которые система проводила каждые сутки. Детекторы «Призмы» регистрировали гравитационные волны от тёмной материи, картографируя её распределение в локальном скоплении галактик. Большую часть времени данные подтверждали то, что уже было известно: тёмная материя концентрировалась вокруг галактик, формируя невидимые гало, удерживающие звёзды на орбитах.

Но в 02:17 один из векторов указал не туда.

Юн заметила это не сразу. Система пометила аномалию жёлтым флагом – «требуется внимания, не срочно» – и продолжила обработку. Тысячи флагов генерировались каждый день: космические лучи, сбои датчиков, статистические выбросы. Девяносто девять процентов оказывались шумом.

Она почти пролистнула дальше. Почти.

Что-то остановило её. Не интуиция – Юн не верила в интуицию, только в паттерны, которые мозг распознаёт быстрее, чем сознание успеваешь их сформулировать. Что-то в форме аномалии царапнуло по краю восприятия. Вектор выглядел... неправильно. Не как статистический выброс. Не как сбой датчика.

Юн развернула данные на главный экран.

Гравитационный вектор – стрелка, указывающая направление, откуда приходило воздействие тёмной материи. Обычно эти стрелки указывали на галактики, скопления, сверхскопления. На объекты с массой. На *что-то*.

Этот вектор указывал в пустоту.

Не на галактику. Не на скопление. Не на войд – области пространства с пониженной плотностью материи. На точку, которой не было на картах. На координаты, где не существовало ничего – ни звёзд, ни газа, ни пыли.

Юн нахмурилась. Открыла каталог – полную трёхмерную карту наблюдаемой Вселенной, составлявшуюся последние двести лет. Ввела координаты.

Ничего.

Ближайший объект – карликовая галактика в двадцати миллионах световых лет. Но вектор указывал не на неё. Он указывал на точку в межгалактическом пространстве, где *ничего не было*.

Ошибка. Очевидно, ошибка. Юн запустила перепроверку.

Тот же результат.

Она запустила ещё раз. И ещё. На четвёртой итерации использовала другой алгоритм – старый, который писала сама двадцать лет назад, до того как машинное обучение взяло на себя большую часть работы. Пятая итерация – с третьим алгоритмом. Шестая – с ручной калибровкой датчиков.

Результат не менялся.

Гравитационный вектор указывал на точку, которой не существовало.

В 04:30 Юн Ли встала из-за терминала первый раз за семь часов. Ноги затекли; она чуть не упала, сделав первый шаг, и схватилась за край стола. Тело казалось чужим – мешком костей и мышц, который почему-то приходилось таскать за собой.

Коридор лаборатории был пуст. В ночную смену работало человек двадцать – операторы, поддерживающие системы, дежурные техники на случай аварий. Большинство находились в контрольном центре, двумя уровнями ниже. Здесь, в аналитическом крыле, Юн была одна.

Она дошла до автомата с напитками, заказала новый кофе. Автомат зажуужал, выплюнул картонный стаканчик, наполнил его дымящейся жидкостью. Юн обхватила стакан обеими руками, впитывая тепло, и прислонилась к стене.

Мысли не останавливались. Даже здесь, в трёх метрах от терминала, они продолжали перебирать варианты. Сбой датчика – но какого? Детекторы «Призмы» имели тройное резервирование; чтобы все три системы выдали одинаковую ошибку, потребовалось бы совпадение, вероятность которого исчислялась единицами на миллиард. Космические лучи – но космические лучи оставляли характерную подпись, мгновенный всплеск с последующим затуханием. Этот сигнал был стабильным. Постоянным. *Реальным.*

Юн сделала глоток кофе. Обожгла язык. Не заметила.

Что если источник гравитации находится не в трёхмерном пространстве?

Мысль появилась сама, без приглашения. Юн отмахнулась от неё – слишком фантастично, слишком... ненаучно. Потом остановилась. Заставила себя рассмотреть идею честно, как рассматривала бы любую гипотезу.

Теория струн предполагала существование дополнительных измерений, свёрнутых в масштабах, недоступных наблюдению. Бранная космология – что наша Вселенная является трёхмерной мембраной в многомерном пространстве. Это были не фантазии – это были рабочие гипотезы, которые физики обсуждали десятилетиями.

Что если источник гравитации находится *за пределами* нашего пространства-времени? Что если он воздействует на нашу Вселенную извне – как пальцы, давящие на поверхность воздушного шарика?

Юн отхлебнула кофе снова. На этот раз не обожглась – или не заметила.

Гипотеза была безумной. Непроверяемой. Почти религиозной в своей грандиозности.

Но математика...

Юн развернулась и пошла обратно к терминалу. Шаг ускорился сам собой. Кофе плескался в стакане, но она не замечала.

Математика могла ответить. Математика всегда отвечала.

Следующие шесть часов Юн писала уравнения.

Она начала с базовых – уравнений общей теории относительности, описывающих гравитацию как искривление пространства-времени. Добавила члены, отвечающие за тёмную материю – стандартную модель, которую использовали последние сто лет. Потом начала модифицировать.

Что если гравитационное воздействие приходит не из точки в трёхмерном пространстве, а из внешнего источника? Как это изменит уравнения?

Первая попытка провалилась. Уравнения разошлись к бесконечности – верный признак того, что модель неверна. Юн стёрла написанное и начала заново.

Вторая попытка. Третья. Четвёртая.

К десяти утра она заполнила три виртуальных доски расчётами. Глаза слезились. Пальцы на левой руке сводило от непрерывной работы со стилусом. Очки сползли на кончик носа; она машинально поправила их, оставив на дужке след от вспотевшего пальца.

Пятая попытка.

Юн ввела начальные условия – координаты аномального вектора, его величину, временную характеристику. Добавила новые члены в уравнения – члены, описывающие источник гравитации вне нашего пространства-времени. Запустила расчёт.

Компьютер думал тридцать секунд. Для современных систем это была вечность – обычно результаты появлялись мгновенно.

Потом экран заполнился цифрами.

Юн уставилась на них. Моргнула. Прочитала снова.

Уравнения сходились.

Не просто сходились – они *работали*. Идеально. Без расхождений, без погрешностей, без необъяснимых остатков. Модель внешнего источника гравитации описывала аномалию с точностью до десятого знака после запятой.

Юн откинулась в кресле. Руки дрожали – не от кофеина, хотя она выпила четыре чашки за последние шесть часов. От чего-то другого. От чего-то, чему она не хотела давать имя.

Тридцать лет она искала ответ на вопрос о природе тёмной материи. Тридцать лет данных, гипотез, разочарований. И теперь, в три часа ночи (или утра? она потеряла счёт времени) в пустой лаборатории на обратной стороне Луны...

Математика сходилась.

Это ещё ничего не доказывало, строго говоря. Математическая модель – не реальность. Уравнения могут сходиться для ложных гипотез, могут игнорировать критически важные факторы, могут быть просто случайным совпадением. Нужны были независимые подтверждения, нужна была верификация, нужны были месяцы работы...

Но Юн Ли занималась наукой сорок лет. Она знала, как выглядят случайные совпадения. И знала, как выглядит правда.

Это было похоже на правду.

Она не ушла спать.

Следующие двенадцать часов Юн провела за диагностикой оборудования. Не потому что сомневалась в результатах – а потому что *должна* была сомневаться. Это было частью работы. Частью того, что делало её учёным, а не фантазёром.

Детекторы «Призмы» представляли собой сложнейшую систему из криогенных резервуаров, лазерных интерферометров и квантовых сенсоров. Тысячи компонентов, каждый из которых мог дать сбой. Юн проверила их все.

Точнее – запустила проверку. Автоматическая диагностика требовала шести часов; она использовала это время, чтобы перепроверить расчёты вручную. Карандаш на бумаге – старомодно, почти архаично, но иногда помогало увидеть то, что терялось в бесконечных колонках цифр на экране.

К шести вечера диагностика завершилась. Все системы работали в штатном режиме. Никаких сбоев, никаких отклонений, никаких аномалий – кроме *той самой* аномалии, которая упрямо отказывалась исчезать.

Юн сидела перед экранами, подперев подбородок кулаком. Данные мерцали перед глазами – те же самые данные, которые она видела двадцать часов назад. Гравитационный вектор, указывающий в пустоту. Источник гравитации вне трёхмерного пространства. Математика, которая *сходилась*.

Что это значило?

Она знала ответ. Знала с того момента, как уравнения сошлись. Просто не хотела произносить его вслух – даже про себя. Потому что произнести означало признать. А признать означало...

Юн потёрла глаза. Очки сдвинулись, она поправила их раздражённым движением. Сорок часов без сна. Может, она просто бредит? Может, это всего лишь усталость, выдающая желаемое за действительное?

Нет.

Она знала разницу между усталостью и открытием. Усталость туманит мышление, делает его ленивым, склонным к ошибкам. То, что происходило сейчас, было противоположностью – болезненная, режущая ясность. Каждая мысль как отточенный скальпель. Каждый вывод – логически неизбежен.

Гравитационный вектор указывает на источник, которого нет в нашем пространстве.

Тёмная материя – не вещество. Это воздействие *извне*.

Что-то смотрит на нашу Вселенную. И это *что-то* имеет массу – или создаёт эффект, неотличимый от массы.

Юн встала. Ноги подогнулись; она ухватилась за стол, переждала головокружение. Тело требовало сна, еды, отдыха. Тело было идиотом. Тело не понимало, что происходит.

Она подошла к окну – узкой щели в стене, через которую была видна поверхность кратера. Лунная пыль, серая и безжизненная. Скалы, отбрасывающие длинные тени в свете прожекторов. Небо – абсолютно чёрное, без единой звезды. С обратной стороны Луны не было видно ни Земли, ни Солнца. Только тьма.

И в этой тьме – *что-то*.

Юн положила ладонь на холодное стекло. Сорок лет она изучала космос. Сорок лет верила, что Вселенная познаваема – что достаточно терпения, ума и правильных инструментов, чтобы понять её законы. Что реальность объективна. Что физика одинакова для всех наблюдателей.

А теперь...

Теперь данные говорили, что на Вселенную смотрят *снаружи*. Что гравитация – или то, что они принимали за гравитацию – приходит не из материи, а из *внимания*. Из взгляда, направленного откуда-то, где нет ни пространства, ни времени.

Это было... оскорбительно. Да, именно так. Оскорбительно для физика. Для учёного. Для человека, посвятившего жизнь рациональному познанию мира.

Но данные не лгали. Данные никогда не лгали.

Юн отвернулась от окна. Вернулась к терминалу. Села в кресло, которое уже приняло форму её тела за эти бесконечные часы.

Нужно было ещё раз проверить. И ещё раз. И ещё.

Пока не останется ни малейшего сомнения.

На исходе сорок восьмого часа Юн Ли позволила себе принять душ.

Вода била по плечам – горячая, почти обжигающая. Пар заполнял тесную кабинку, оседал на очках, которые она забыла снять. Юн стояла под струями, закрыв глаза, и позволяла мыслям течь свободно.

Сорок восемь часов. Двадцать три независимых проверки. Шесть разных алгоритмов. Полная диагностика оборудования. Ручные расчёты на бумаге – три стопки листов, исписанных её мелким почерком.

Результат неизменен.

Гравитационный вектор указывал на источник вне трёхмерного пространства. Модель внешнего наблюдателя описывала данные с точностью, недоступной никакой другой гипотезе. Математика сходилась – раз за разом, проверка за проверкой.

Юн выключила воду. Стояла в тишине, слушая, как капли стекают по стенкам кабинки. Голова кружилась – от усталости, от голода, от переизбытка кофеина. И от кое-чего ещё.

Страха?

Нет. Не страха. Чего-то более сложного. Смеси ужаса и восторга, которую она не испытывала с детства – с того первого раза, когда мать показала ей звёзды через телескоп. «Видишь, Юн? Этот свет летел к нам миллионы лет. Ты смотришь в прошлое».

Смотришь в прошлое.

А теперь – прошлое смотрит на тебя.

Юн вытерлась, оделась в чистое – она держала запасную одежду в шкафчике рядом с душевой, на случай затянувшихся ночных смен. Очки протёрла краем футболки, водрузила обратно на нос. Посмотрела на себя в зеркало.

Пятьдесят шесть лет. Серые волосы – она не красила их, не видела смысла. Морщины в уголках глаз – следы тысяч часов, проведённых за мониторами. Мелкие шрамы на руках – память о лабораторных инцидентах ранней карьеры, когда она была неопытной и неосторожной.

Обычное лицо. Лицо учёного. Лицо человека, который всю жизнь искал ответы.

И, возможно, нашёл один.

Юн вышла из душевой, прошла по пустому коридору обратно к лаборатории. Третий час ночи – или утра? – по лунному времени. Станция спала. Редкие дежурные скользили мимо, кивая ей с усталой вежливостью. Никто не спрашивал, почему она не уходит домой третьи сутки подряд. К её привычкам давно привыкли.

Терминал ждал – пять экранов, мерцающих синим светом. Данные. Уравнения. Правда, которую она пока не была готова произнести вслух.

Юн села в кресло. Открыла новый файл. Начала писать – не уравнения на этот раз, а текст. Отчёт. Формулировку.

«Предварительный анализ аномалии GV-2157-Alpha».

Пальцы замерли над клавиатурой. Что писать дальше? Как сформулировать открытие, которое перевернёт всё? Как найти слова для вещей, для которых слов не существует?

Юн закрыла файл, не написав ни строчки. Рано. Слишком рано.

Нужно больше данных.

Шестьдесят часов.

Юн перестала считать чашки кофе – автомат вёл журнал, но она избегала смотреть. Тело существовало в странном пограничном состоянии: слишком измотанное для нормального функционирования, слишком взвинченное адреналином для сна. Мысли текли ясно и холодно, как горный ручей.

Она расширила поиск.

Если аномалия реальна – если гравитационный вектор действительно указывает на внешний источник – то он не должен быть единственным. Тёмная материя составляла восемьдесят пять процентов всей материи во Вселенной. Если её природа – внимание извне, то следы этого внимания должны быть повсюду.

Юн загрузила исторические данные «Призмы». Тридцать лет наблюдений. Терабайты информации, которую анализировали сотни людей – и ни разу не искали то, что она искала сейчас.

Потому что никто не знал, что искать.

Программа работала двенадцать часов. Юн то дремала в кресле, то расхаживала по лаборатории, то снова садилась за терминал, проверяя промежуточные результаты. Несколько раз к ней заглядывали коллеги – она отвечала односложно, давая понять, что не настроена разговаривать. Её репутация социопата помогала: никто не удивлялся, никто не настаивал.

К вечеру следующего дня программа завершила работу.

Юн открыла результаты. И почувствовала, как что-то холодное сжимается в груди.

Аномалий было не одна. Их были *тысячи*.

Гравитационные векторы, указывающие на источники вне трёхмерного пространства. Рассеянные по всему небу, от ближайших звёзд до далёких галактик. Разной интенсивности, разного направления – но все с одной характерной подписью. Все указывающие *наружу*.

Тридцать лет данных. Тысячи аномалий. И ни разу – ни разу! – система не пометила их как значимые. Потому что они не соответствовали ожиданиям. Потому что никто не предполагал, что гравитация может приходить *извне*.

Юн пролистывала результаты, и холод в груди становился всё ощутимее. Аномалии были не случайны. Они *концентрировались* – вокруг галактик, звёздных скоплений, областей активного звездообразования. Там, где происходило что-то *интересное*, их было больше.

«Интересное».

Слово всплыло само, непрошеное. Юн попыталась отмахнуться – это ненаучно, это антропоморфизация неизвестного феномена. Но мысль не уходила.

Концентрация аномалий совпадала с концентрацией тёмной материи. Это было известно давно – тёмная материя группировалась вокруг галактик, формируя гало. Теперь это обретало новый смысл.

Если аномалии – это следы внимания извне...

Если тёмная материя – это *продукт* этого внимания...

То галактики формируются не случайно. Они формируются там, где Зрители *смотрят*.

Юн замерла, уставившись на экран. Слово пришло само – «Зрители», с заглавной буквы, как имя собственное. Она не планировала его использовать. Оно просто появилось, заполнив пустоту, которая требовала имени.

Зрители.

Те, кто смотрит на Вселенную снаружи. Те, чьё внимание создаёт гравитацию. Те, кто наблюдает за звёздами, галактиками...

За нами.

Семьдесят два часа без сна.

Юн сидела в кресле, глядя на потолок лаборатории. Проектор отображал там карту звёздного неба – не настоящего, а синтезированного из данных, очищенного от атмосферных искажений и световых помех. Миллионы звёзд, тысячи галактик, бесконечность, сжатая до размеров комнаты.

Она не видела звёзд. Она видела *наблюдателей*.

Данные были непроверяемы. Семьдесят два часа проверок – и ни одного противоречия. Модель работала. Модель объясняла всё: аномалию, распределение тёмной материи, формирование крупномасштабных структур космоса. Всё сходилось с точностью, которую она не видела за тридцать лет карьеры.

Тёмная материя – не вещество. Это *внимание*.

Восемьдесят пять процентов массы Вселенной – не частицы, не поля, не экзотическая материя. Это *взгляд*, направленный извне. Гравитационное воздействие, которое приходит из места, где нет ни пространства, ни времени.

Юн закрыла глаза. Звёзды на потолке превратились в красные всполохи на внутренней стороне век.

Что это значило – для науки, для философии, для человечества?

Всё.

Это значило, что Вселенная – не объективная реальность, существующая независимо от наблюдателя. Это значило, что космос – *представление*, разворачивающееся перед чьим-то взглядом. Это значило, что мы – не венец творения, не цель эволюции, не центр чего бы то ни было.

Мы – контент.

Программа для просмотра. Шоу. Развлечение для существ, которых невозможно представить.

Юн открыла глаза. Звёзды на потолке смотрели на неё – тысячи холодных точек света, каждая из которых существовала, потому что кто-то *смотрел*.

Она должна была чувствовать ужас. Или хотя бы тревогу. Вместо этого – странное спокойствие. Как будто она всегда это знала. Как будто всю жизнь готовилась к этому моменту.

Факт – как любой другой. Вселенная наблюдаема извне. Мы – объекты наблюдения. Гравитация – побочный продукт внимания.

Юн потянулась к терминалу. Открыла файл, который создала тридцать часов назад и так и не заполнила.

«Предварительный анализ аномалии GV-2157-Alpha».

Пальцы легли на клавиатуру. На этот раз слова пришли легко.

Она печатала три часа подряд. Без перерывов, без остановок на размышления – слова текли сами, формулируя то, что она знала, но не могла произнести вслух.

Отчёт получился сухим, техническим. Цифры, уравнения, статистические выкладки. Никакой философии, никаких интерпретаций. Только факты.

Факты были достаточно страшными сами по себе.

«Анализ 32,847 аномальных гравитационных векторов за период 2127-2157 гг. выявил следующую закономерность: направление векторов не соответствует расположению известных источников массы в трёхмерном пространстве. Математическое моделирование указывает на внешний источник гравитационного воздействия, расположенный за пределами наблюдаемой Вселенной...»

Юн перечитала написанное. Сухо. Точно. Страшно.

Она сохранила файл. Потянулась к кнопке «Отправить» – и замерла.

Кому отправлять?

Сяо Мэй – заместителю, которая поднимет бровь и спросит, не нужно ли ей отдохнуть. Совету директоров – которые потребуют независимой верификации и похоронят открытие в бюрократии на годы. Научному сообществу – которое разделится на тех, кто не поверит, и тех, кто украдёт идею.

Юн убрала руку от кнопки. Закрывает почтовый клиент. Откинулась в кресле.

Тишина лаборатории давила на уши. Вентиляция гудела едва слышно. Где-то далеко – несколькими уровнями ниже – работали люди, не подозревающие, что мир изменился.

Семьдесят пять часов без сна. Тело кричало о необходимости отдыха. Мозг продолжал работать – упрямо, механически, отказываясь останавливаться.

Юн встала. Ноги дрожали, но держали. Она подошла к окну – тому же узкому проёму, через который смотрела двадцать часов назад. Лунная пыль. Скалы. Тьма.

Где-то там – за этой тьмой, за звёздами, за самой тканью пространства-времени – кто-то смотрел.

Юн положила ладонь на стекло. Холодное, как всегда. Вакуум за окном не прощал небрежности – один дефект в материале, и комната превратится в могилу.

– Привет, – сказала она.

Голос звучал хрипло – она почти не говорила последние трое суток. Слово растворилось в тишине, не вызвав эха.

Глупо. Детский порыв – здороваться с чем-то, что она не могла увидеть, потрогать, понять. Но Юн было всё равно. Семьдесят пять часов без сна даровали странную свободу: право на глупость, на иррациональность, на человеческую слабость.

– Вы смотрите на нас, – продолжила она, не отрывая взгляда от тьмы за стеклом. – Я не знаю, почему. Не знаю, кто вы такие. Не знаю, видите ли вы меня прямо сейчас.

Пауза. Вентиляция продолжала гудеть.

– Но я знаю, что вы *есть*. И я буду искать ответы. Потому что это то, чем я занимаюсь. Потому что это единственное, что я умею.

Она замолчала. Постояла ещё минуту, глядя в пустоту. Потом отвернулась от окна и пошла обратно к терминалу.

Работа не была закончена. Работа только начиналась.

Восемьдесят часов.

Юн снова перепроверяла данные – в который раз, она сбилась со счёта. Не потому что сомневалась в результатах. Потому что нужно было чем-то занять руки, пока мозг обрабатывал последствия.

Последствия были... масштабными.

Если тёмная материя – внимание Зрителей, то что происходит, когда внимание уходит?

Юн открыла архивные данные. Сорок лет наблюдений – не только «Призмы», но и предшественников, и независимых проектов. Сотни терабайт информации, которые никто никогда не анализировал под таким углом.

Она написала новый алгоритм. Простой, по её меркам – всего несколько сотен строк кода. Алгоритм искал *тренды*. Изменения концентрации тёмной материи со временем. Области, где она росла. Области, где убывала.

Программа работала час. Юн не дремала на этот раз – сидела, уставившись на индикатор прогресса, и считала секунды.

Когда результаты появились на экране, она долго не могла понять, что видит.

Потом поняла.

И холод, который поселился в груди трое суток назад, стал ледяным.

Концентрация тёмной материи вокруг Солнечной системы *падала*.

Не резко – едва заметно, на уровне статистической погрешности. 0.02% в год. Ничтожное изменение, которое никто не замечал, потому что никто не искал.

Но за сорок лет наблюдений – 0.8%. За сто лет – 2%. За тысячу...

Юн построила экстраполяцию. Руки дрожали, когда она вводила параметры. Глаза отказывались фокусироваться на цифрах – она заставляла их силой воли.

График появился на экране. Простая линия, падающая слева направо. Время по горизонтальной оси – от сегодняшнего дня до далёкого будущего. Концентрация тёмной материи по вертикальной.

Линия пересекала критический порог через шестьсот лет.

Критический порог – уровень, ниже которого гравитация Солнца не сможет удерживать планеты на орбитах. Уровень, ниже которого Земля уйдёт в межзвёздное пространство.

Уровень, ниже которого человечество *погибнет*.

Юн смотрела на график. Минуту. Две. Пять.

Она должна была паниковать. Должна была бежать к начальству, к правительству, к кому угодно, кто мог бы что-то сделать. Вместо этого – странное оцепенение. Мозг, перегруженный информацией, отказывался генерировать эмоции.

Шестьсот лет. Двадцать поколений. Вечность по человеческим меркам – и мгновение по космическим.

Зрители теряли интерес к человечеству.

Они *отворачивались*.

Юн закрыла глаза. Красные всполохи на внутренней стороне век. Гул вентиляции. Холод стекла под пальцами – она не помнила, как снова оказалась у окна.

– Почему? – спросила она тьму.

Тьма не ответила. Тьма никогда не отвечала.

Восемьдесят четыре часа.

Юн сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Терминалы мерцали синим – она не выключила их, просто не могла больше смотреть на экраны.

В руках – старомодная кружка с остывшим кофе. Она не помнила, когда налила его. Не помнила, пила ли вообще.

Мысли текли медленно, вязко, как патока. Усталость наконец взяла своё – не физическая, с той справлялся кофеин, а *ментальная*. Мозг, переработавший слишком много информации за слишком короткое время.

Зрители. Тёмная материя. Внимание. Гравитация.

Шестьсот лет.

Слова кружились, сталкивались, формировали узоры, которые тут же распадались. Юн пыталась ухватить их – и не могла. Слишком устала. Слишком много всего.

Она поставила кружку на пол рядом с собой. Закрыла глаза.

Шестьсот лет – это много или мало?

Достаточно, чтобы найти решение? Или недостаточно даже для того, чтобы понять проблему?

Мысль ускользала. Юн позволила ей уйти. Позволила себе просто *быть* – здесь, в тишине лаборатории, в темноте собственных закрытых глаз.

Завтра она вернётся к работе. Проверит данные ещё раз. И ещё. Напишет отчёт. Созовёт совещание. Начнёт долгий, мучительный процесс убеждения мира в том, что он – не то, чем кажется.

Но это – завтра. Сейчас – только тишина. Только усталость. Только холодный пол под телом и гул вентиляции в ушах.

Юн соскользнула в сон – не заметив перехода, не почувствовав, как реальность сменилась чернотой.

Она проснулась от звука.

Тихий, настойчивый. Сигнал терминала – входящее сообщение высокого приоритета.

Юн открыла глаза. Потолок лаборатории – знакомый, расчерченный линиями вентиляционных решёток. Она лежала на полу, свернувшись калачиком, как ребёнок. Спина ныла. Шея затекла. Очки сбились набок, одна дужка больно вдавилась в висок.

Она села. Медленно, осторожно – тело протестовало против любого движения. Посмотрела на терминал.

Часы показывали 06:17. Она проспала... Юн потёрла глаза, пытаясь сосчитать. Восемь часов? Десять? Неважно. Слишком мало в любом случае.

Входящее сообщение продолжало мигать. Юн поднялась на ноги, подошла к терминалу, открыла почту.

«Автоматическое уведомление системы мониторинга «Призма»».

«Зафиксировано нетипичное отклонение в секторе 7-G. Гравитационный вектор не соответствует ожидаемым параметрам. Требуется анализ».

Юн уставилась на сообщение. Потом рассмеялась – хриплым, надтреснутым смехом, который больше походил на кашель.

Система работала. Несмотря ни на что – система продолжала работать. Фиксировала аномалии. Отправляла уведомления. Делала свою работу.

Как и она сама.

Юн села за терминал. Открыла данные нового вектора. Запустила анализ. Посмотрела на результаты.

То же самое. Ещё одна аномалия. Ещё один вектор, указывающий *наружу*. Ещё одно доказательство.

Она откинулась в кресле. Посмотрела на потолок – на проекцию звёздного неба, которая не отключалась всю ночь. Звёзды смотрели на неё. Или – кто-то смотрел *через* них.

– Они смотрят на нас, – сказала Юн вслух.

Голос не дрожал. Просто констатация факта. Просто истина, которую она наконец произнесла себе.

– Они смотрят на нас. И они начинают отворачиваться.

Звёзды молчали. Звёзды всегда молчали.

Но теперь Юн знала: за ними – кто-то есть. Кто-то, чей взгляд создаёт гравитацию. Кто-то, чьё внимание делает Вселенную реальной.

Кто-то, кто теряет к ним интерес.

Она потянулась к клавиатуре. Открыла файл отчёта – тот самый, который начала писать вечность назад. Перечитала. Добавила новые данные. Экстраполяцию. График.

Шестьсот лет.

Двадцать поколений.

Достаточно ли этого?

Юн не знала. Но собиралась выяснить.

К полудню она закончила первую версию отчёта.

Сорок страниц. Данные, уравнения, графики, выводы. Всё, что она узнала за последние три дня – сжатое до сухого академического текста, который можно было послать коллегам, начальству, в научные журналы.

Юн перечитала отчёт от начала до конца. Дважды. Исправила несколько опечаток. Добавила оговорки там, где выводы были слишком категоричными. Убрала слово «Зрители» – слишком эмоционально, слишком ненаучно. Заменяла на «внешние источники гравитационного воздействия».

Хуже. Но безопаснее.

Она навела курсор на кнопку «Отправить». Посмотрела на список получателей – Сяо Мэй, совет директоров «Призмы», редакторы трёх ведущих журналов по астрофизике.

Палец завис над кнопкой.

Что произойдёт, когда она нажмёт? Паника? Неверие? Обвинения в сумасшествии?

Или – ещё хуже – принятие?

Мир изменится. Навсегда. Всё, во что люди верили – случайность Вселенной, объективность реальности, независимость существования от наблюдателя – окажется ложью.

Или – не ложью. Просто неполной правдой.

Юн убрала руку от мыши. Встала. Подошла к окну.

Лунная пыль. Скалы. Тьма.

Где-то там – за этой тьмой, за звёздами, за краем наблюдаемой Вселенной – кто-то смотрел. Кто-то, чей взгляд создавал реальность. Кто-то, кто мог отвернуться в любой момент.

Юн положила ладонь на стекло. Холодное, как всегда.

– Я не знаю, кто вы, – сказала она тихо. – Не знаю, зачем смотрите. Не знаю, что вам нужно.

Пауза. Вентиляция гудела.

– Но я узнаю. Это моя работа – узнавать. Это единственное, что я умею делать.

Она постояла ещё минуту. Потом отвернулась от окна. Вернулась к терминалу. Открыла отчёт.

Нажала «Отправить».

Сообщение ушло.

Юн смотрела на экран – на строчку «Доставлено», которая появилась рядом с каждым именем в списке получателей. Сяо Мэй. Директора. Редакторы.

Через несколько часов они прочитают. Через несколько дней – начнут проверять. Через несколько недель – или месяцев, или лет – мир узнает правду.

Или не узнает. Может, её сочтут сумасшедшей. Может, данные окажутся ошибкой – какой-нибудь невероятной цепочкой сбоев, которую она не учла. Может, всё это – просто бред измотанного мозга после ста часов без нормального сна.

Юн не верила в это. Но допускала возможность. Это было частью работы – всегда допускать возможность ошибки.

Она встала из-за терминала. Тело ныло – каждая мышца, каждый сустав. Сто часов. Сто часов без сна, без еды, почти без движения. Тело имело право жаловаться.

Юн дошла до дивана в углу лаборатории. Того самого, на котором спала урывками последнюю неделю. Легла – не раздеваясь, не снимая очков. Уставилась в потолок.

Звёзды смотрели на неё. Или – кто-то смотрел через них.

– Они смотрят на нас, – прошептала она в последний раз.

Слова растворились в тишине. Веки закрылись. Сон пришёл – быстрый, чёрный, без сновидений.

Юн Ли, доктор физических наук, руководитель проекта «Призма», женщина, которая только что изменила всё, что человечество знало о Вселенной, спала.

А где-то там – за звёздами, за краем реальности, за пределами пространства и времени – кто-то продолжал смотреть.

Глава 2: Верификация

Сяо Мэй прочитала отчёт трижды.

Первый раз – бегло, по диагонали, выхватывая ключевые слова и цифры. Второй – медленнее, останавливаясь на уравнениях, проверяя логику переходов. Третий – с карандашом в руке, делая пометки на полях распечатки, хотя распечатки давно вышли из моды и она заказала эту специально, потому что на бумаге ошибки виднее.

Ошибок не было.

Это её и беспокоило.

Сяо Мэй было тридцать восемь лет, и последние шесть из них она провела в качестве заместителя Юн Ли – сначала на Марсе, потом здесь, на Луне, в кратере Дедал. Она знала свою начальницу лучше, чем кто-либо в «Призме». Знала её привычки, её слабости, её способ мышления. Знала, что Юн могла не спать четверо суток, если данные того требовали. Знала, что она никогда – *никогда* – не отправляла отчёт, не проверив его минимум дважды.

И знала, что этот отчёт был либо величайшим открытием в истории физики, либо симптомом нервного срыва.

Сяо Мэй отложила распечатку. Потёрла переносицу – привычка, оставшаяся с детства, когда она ещё носила очки. Посмотрела на часы: 14:32 по лунному времени. Юн отправила отчёт вчера в полдень. Тридцать часов назад.

Тридцать часов, чтобы переварить информацию, которая переворачивала всё.

Тёмная материя – не вещество. Это *внимание*. Взгляд извне. Гравитация, приходящая из места, которого не существует.

Сяо Мэй встала из-за стола. Её кабинет был маленьким – шесть квадратных метров, стол, кресло, экран на стене. Стандартная ячейка для старшего научного персонала. Она прошла от стены до стены – четыре шага в одну сторону, четыре обратно.

Данные в отчёте были безупречны. Методология – образцовая. Статистика – неопровержимая. Если верить цифрам, Юн была права.

Но Сяо Мэй не верила цифрам. Она верила воспроизводимости.

Одна лаборатория могла ошибиться. Одна система могла дать сбой. Одна исследовательница могла сойти с ума после ста часов без сна – да, она прочитала журнал доступа и знала, сколько времени Юн провела в лаборатории.

Нужна была независимая проверка.

Юн Ли проснулась от стука в дверь.

Не сразу – сначала стук вплёлся в сон, стал частью чего-то тёмного и бесформенного, что она видела за закрытыми веками. Потом сон отступил, и осталась только реальность: жёсткий диван под спиной, свет ламп, бьющий в глаза сквозь очки, которые она забыла снять, и настойчивый стук.

– Войдите, – сказала она, и голос прозвучал как скрежет ржавых петель.

Дверь открылась. Сяо Мэй – невысокая, плотная, с короткой стрижкой чёрных волос и выражением лица, которое Юн научилась читать за годы совместной работы. Сейчас это выражение говорило: «Мне нужны объяснения, и я их получу».

– Ты спала в лаборатории, – сказала Сяо Мэй. Не вопрос – констатация.

– Очевидно. – Юн села, потёрла лицо руками. Мышцы ныли. Голова гудела. Она чувствовала себя так, будто её пропустили через центрифугу. – Который час?

– Три пополудни. Ты проспала почти сутки.

Сутки. Юн моргнула, пытаясь сосредоточиться. Последнее, что она помнила – кнопка «Отправить» и мерцание экрана. Потом – провал.

– Отчёт, – сказала она. – Ты прочитала?

– Трижды.

– И?

Сяо Мэй подошла ближе. Села на край стола напротив дивана, скрестила руки на груди. Её глаза – тёмные, внимательные – изучали Юн с профессиональной бесстрастностью.

– Методология безупречна. Статистика неопровержима. Выводы... – она помедлила, подбирая слово. – Экстраординарные.

– Это эвфемизм для «безумные»?

– Это эвфемизм для «требующие независимой верификации». – Сяо Мэй чуть наклонила голову. – Сколько ты не спала перед тем, как отправила отчёт?

– Это имеет значение?

– Для меня – да.

Юн вздохнула. Встала с дивана – тело протестовало, но подчинилось. Подошла к терминалу, проверила журнал.

– Сто два часа, – сказала она. – Плюс-минус.

– Четыре дня.

– Четыре дня и шесть часов, если быть точной.

Сяо Мэй молчала. Её лицо оставалось непроницаемым, но Юн видела, как дёрнулся уголок рта – едва заметно, на долю секунды.

– Это ошибка оборудования, – сказала Сяо Мэй наконец. – Или ошибка в алгоритме. Или ошибка в твоей голове после четырёх дней без сна.

– Я проверила всё.

– Ты проверила *сама*. После четырёх дней без сна.

– Математика не зависит от состояния того, кто её делает.

– Но интерпретация зависит. – Сяо Мэй соскользнула со стола, подошла к терминалу. – Покажи мне. С самого начала.

Они работали шесть часов подряд.

Юн показывала данные – первичные, необработанные, прямо с детекторов. Сяо Мэй требовала объяснений на каждом шаге. Почему этот алгоритм? Откуда эти начальные условия? Как исключены системные ошибки?

Юн отвечала. Терпеливо, методично, без раздражения. Она знала, что Сяо Мэй права – независимая проверка необходима. Она сама провела бы её, если бы роли поменялись.

К девяти вечера Сяо Мэй откинулась в кресле. Потёрла глаза. Посмотрела на экраны, заполненные графиками и уравнениями.

– Я не нашла ошибок, – сказала она. Голос звучал так, будто она признавала поражение.

– Потому что их нет.

– Потому что я их не нашла. Это разные вещи.

Юн кивнула. Она понимала разницу лучше, чем кто-либо.

– Что дальше? – спросила Сяо Мэй.

– Внешняя верификация. Три лаборатории на Земле, одна на Марсе. Те же данные, независимый анализ.

– Ты уже отправила?

– Вместе с основным отчётом.

Сяо Мэй хмыкнула – коротко, почти одобрительно.

– Сколько времени займёт?

– День-два на Земле. Неделя на Марсе – задержка связи.

– И если они подтвердят?

Юн молчала. Смотрела на экраны – на графики, которые знала наизусть, на уравнения, которые писала собственными руками.

– Если они подтвердят, – сказала она наконец, – мы соберём команду. И я объясню всем то, что объяснила тебе.

– А потом?

– Потом... – Юн помедлила. – Потом начнётся работа. Настоящая работа. Потому что знать, что на нас смотрят – это одно. Понять, *кто* смотрит и *зачем* – совсем другое.

Сяо Мэй кивнула. Встала. Пошла к двери.

– Иди домой, – сказала она, не оборачиваясь. – Прими душ. Поспи в нормальной кровати. Завтра будет длинный день.

Юн хотела возразить – данные требовали внимания, нужно было готовить презентацию, нужно было... Но тело решило за неё. Усталость навалилась тяжёлой волной, и она поняла, что Сяо Мэй права.

– Хорошо, – сказала она. – До завтра.

Дверь закрылась. Юн осталась одна.

Экраны мерцали синим. Звёзды на потолочной проекции смотрели вниз. Или – кто-то смотрел через них.

Юн выключила терминал. Впервые за пять дней.

Подтверждения пришли быстрее, чем она ожидала.

Первым откликнулся Кембридж – её альма-матер, где она защитила диссертацию сорок лет назад. Профессор Чэнь, глава кафедры астрофизики, прислал короткое сообщение в шесть утра по лунному времени:

«Юн. Мы проверили твои данные на нашем оборудовании. Результаты совпадают. Я не знаю, что это значит, но это реально. Позвони, когда сможешь».

Вторым был Цюрих – Европейский центр космических исследований, где Юн работала в тридцатых. Их отчёт был длиннее, формальнее, но вывод тот же: данные подтверждены.

Третьим – Токио. Четвёртым – Сидней.

К полудню пятого дня Юн Ли сидела в своём кабинете, глядя на четыре независимых подтверждения от четырёх лабораторий на трёх континентах.

Ошибка исключена.

Это было реально.

Она взяла телефон. Набрала номер Сяо Мэй.

– Созывай команду, – сказала она вместо приветствия. – Полный состав. Через два часа в главном конференц-зале.

Пауза на том конце.

– Подтвердили?

– Все четыре.

Ещё пауза – дольше.

– Я соберу людей, – сказала Сяо Мэй наконец. И добавила, после секундного колебания: – Юн... ты уверена, что готова?

– К чему?

– К тому, что произойдёт после.

Юн смотрела на экран – на четыре подтверждения, мерцающих синим.

– Нет, – ответила она честно. – Но это никогда меня не останавливало.

Конференц-зал «Призмы» вмещал пятьдесят человек.

Сегодня их было двадцать три – полный научный состав проекта, не считая техников и операторов. Физики, астрономы, математики, специалисты по анализу данных. Лучшие умы в своих областях, собранные со всей Солнечной системы.

Юн стояла у главного экрана, ожидая, пока все рассядутся. Сяо Мэй – справа, с планшетом в руках, готовая запустить презентацию. В первом ряду – доктор Ковач, глава отдела статистического анализа, семидесятилетний венгр с кустистыми бровями и репутацией человека, который не верит ничему, что нельзя доказать дважды. Рядом с ним – Танака, специалист по детекторам, молодая женщина с нервной привычкой постукивать карандашом по столу. Дальше – Мюллер, Чжан, Оконкво, Петрова... Лица, которые Юн видела каждый день последние десять лет.

Сегодня она расскажет им нечто, что изменит их жизни навсегда.

– Спасибо, что пришли, – начала она, когда последний опоздавший занял место. – Я знаю, что созвала вас без предупреждения. Я знаю, что у вас есть текущие проекты, дедлайны, планы. Но то, что я должна вам показать, не может ждать.

Она кивнула Сяо Мэй. На экране появился первый слайд – гравитационный вектор, тот самый, с которого всё началось.

– Неделю назад я обнаружила аномалию в наших данных. Гравитационный вектор, указывающий на источник, которого нет в трёхмерном пространстве.

Тишина. Двадцать три пары глаз смотрели на экран.

– Сначала я решила, что это ошибка оборудования, – продолжила Юн. – Я провела полную диагностику. Ничего. Потом – что это статистический выброс. Я запустила двадцать три независимых проверки разными алгоритмами. Результат неизменен.

Следующий слайд – уравнения. Модель внешнего источника гравитации.

– Я построила математическую модель, которая объясняет аномалию. Модель предполагает, что источник гравитационного воздействия находится *вне* нашего пространства-времени. За пределами наблюдаемой Вселенной.

Ковач поднял руку – резким, нетерпеливым жестом.

– Доктор Ли, вы понимаете, что это противоречит...

– Всему, что мы знаем о физике? Да, понимаю. Но данные не противоречат сами себе. – Юн переключила слайд. – За последние пять дней четыре независимые лаборатории – Кембридж, Цюрих, Токио и Сидней – провели собственный анализ тех же данных. Результаты совпадают.

Она дала им время переварить информацию. Смотрела, как меняются лица – от скептицизма к замешательству, от замешательства к чему-то, что ещё не имело названия.

– Но это не всё, – сказала она. – Когда я расширила поиск на архивные данные, я обнаружила, что подобных аномалий – тысячи. Они были в наших записях всё это время. Мы просто не искали их.

Следующий слайд – карта распределения аномалий. Тысячи точек, рассыпанных по небесной сфере. Концентрация вокруг галактик, скоплений, областей активного звездообразования.

– Распределение аномалий совпадает с распределением тёмной материи, – продолжила Юн. – Это не случайность. Статистическая значимость – девяносто девять и девять десятых процента.

Танака перестала стучать карандашом. Мюллер открыл рот, словно хотел что-то сказать, но передумал. Оконкво качала головой – медленно, непрерывно, как будто не могла остановиться.

– Мой вывод, – сказала Юн, – и я понимаю, насколько он экстраординарен...

Она сделала паузу. Набрала воздуха.

– Тёмная материя – не вещество. Это *внимание*. Гравитационное воздействие, которое приходит извне нашего пространства-времени. Откуда-то, где кто-то – или что-то – *наблюдает* за нашей Вселенной.

Тишина.

Потом – взрыв.

Все говорили одновременно.

Ковач требовал повторного анализа – немедленно, с его личным участием. Танака спрашивала о калибровке детекторов, о возможных систематических ошибках, о чём-то ещё, что Юн не расслышала за общим шумом. Мюллер кричал о нарушении причинности. Чжан – о необходимости засекретить данные.

Юн позволила им кричать. Иногда это было частью процесса – шок требовал выхода, и слова были лучше, чем молчаливая паника.

Через пять минут она подняла руку. Шум стих – не сразу, но стих.

– Я понимаю вашу реакцию, – сказала она. – Я сама прошла через неё неделю назад. Отрицание, гнев, попытки найти альтернативное объяснение. Я проверила всё, что могла проверить. Данные не лгут.

– Данные не лгут, но интерпретации могут быть ошибочны, – возразил Ковач. Его голос был спокойнее теперь – профессиональный скептицизм взял верх над эмоциями. – Вы утверждаете, что на Вселенную смотрят извне. Это... – он запнулся, подбирая слово. – Это не физика. Это метафизика.

– Это гипотеза, которая объясняет наблюдаемые данные, – ответила Юн. – Я не утверждаю, что это *единственная* возможная гипотеза. Я говорю, что это *лучшая* из тех, что у нас есть.

– А какие ещё есть?

– Ни одной. Я пробовала всё – модифицированную гравитацию, экзотическую материю, топологические дефекты пространства-времени. Ничто не описывает данные так точно, как модель внешнего наблюдателя.

Молодой исследователь в заднем ряду – Юн не сразу вспомнила его имя, что-то скандинавское – поднял руку.

– Доктор Ли, если ваша гипотеза верна... что это значит? Практически?

Юн посмотрела на него. Лицо молодое, открытое, без той защитной брони цинизма, которую люди надевают с годами. Искренний вопрос, заслуживающий искреннего ответа.

– Это значит, – сказала она медленно, – что Вселенная существует, потому что на неё смотрят. Галактики формируются там, где кому-то *интересно*. Гравитация – не свойство материи. Это... – она помедлила, подбирая слово. – Это побочный эффект внимания.

– Внимания кого?

– Я не знаю. Я называю их... – она запнулась. Слово «Зрители» казалось слишком простым, слишком человеческим для чего-то настолько чуждого. Но другого не было. – Я называю их Зрителями. Хотя это, вероятно, неточно. Мы не знаем, есть ли у них глаза. Мы не знаем, есть ли у них сознание в нашем понимании. Мы знаем только, что они *смотрят* – и что их взгляд имеет физический эффект.

– Это безумие, – пробормотал кто-то в третьем ряду. Достаточно громко, чтобы все услышали.

– Возможно, – согласилась Юн. – Но это *воспроизводимое* безумие. Четыре независимые лаборатории подтвердили данные. Если хотите опровергнуть – пожалуйста. Я буду рада ошибиться.

Тишина.

Никто не предложил опровержения.

После собрания Юн осталась в конференц-зале.

Люди расходились – медленно, группками, обсуждая услышанное вполголоса. Она видела их лица: шок, замешательство, страх. Кто-то смеялся – нервно, истерически. Кто-то качал головой, всё ещё не веря.

Сяо Мэй подошла, когда последний человек вышел за дверь.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь они знают.

– Теперь они знают, – эхом отозвалась Юн.

– Что дальше?

Юн смотрела на экран – на финальный слайд презентации, который она не показала. Карта распределения тёмной материи вокруг Солнечной системы. Тридцать лет данных, сжатых в одну картинку.

Она не показала этот слайд, потому что он содержал вопрос, на который она не знала ответа. Вопрос, который мог подождать – день, неделю, месяц. Пока они не переварят основное.

– Дальше – теоретическая модель, – сказала она. – Нам нужно понять, как это работает. Механизм. Физику.

– Физику *внимания*?

– Физику гравитации, приходящей извне пространства-времени. Если мы поймём механизм – возможно, поймём и тех, кто стоит за ним.

Сяо Мэй кивнула. Помолчала.

– А если не поймём?

Юн повернулась к ней. Впервые за эту неделю она позволила себе показать усталость – ту, что копилась под маской профессионализма.

– Тогда мы будем искать дальше, – сказала она. – Это то, чем мы занимаемся. Это единственное, что мы умеем.

Следующие три дня слились в один непрерывный поток работы.

Юн разделила команду на группы. Первая – под руководством Ковача – занималась проверкой статистики. Вторая – Танака и её люди – диагностикой оборудования. Третья – теоретики во главе с Мюллером – построением математической модели.

Сама Юн курсировала между группами, отвечая на вопросы, решая споры, сглаживая неизбежные конфликты. Научный коллектив в состоянии стресса – как ядерный реактор без охлаждения. Нужно было следить, чтобы никто не перегорел.

К концу третьего дня Ковач пришёл к ней с результатами.

– Статистика подтверждена, – сказал он, и в его голосе слышалось что-то, чего Юн никогда раньше не слышала. Смирение? Принятие? – Я проверил всё, что мог. Никаких ошибок. Никаких артефактов. Данные реальны.

– Я знаю.

– Я тридцать лет занимаюсь статистическим анализом. Тридцать лет говорю людям, что их открытия – результат систематических ошибок. И впервые... – он замолчал, покачал головой. – Впервые я не могу этого сказать.

Юн положила руку ему на плечо – редкий жест, она не любила физический контакт.

– Это трудно принять, – сказала она. – Для всех нас.

– Трудно? – Ковач хмыкнул. – Это невозможно принять. Но данные не спрашивают нашего согласия.

Он ушёл, оставив Юн одну со своими мыслями. Она смотрела ему вслед – на сгорбленную спину, на шаркающую походку старика, который только что узнал, что мир устроен не так, как он думал.

Им всем предстояло через это пройти.

Теоретическая модель рождалась в муках.

Мюллер – худой, нервный немец с привычкой расхаживать по комнате во время размышлений – работал без перерывов. Его кабинет превратился в хаос из голографических досок, каждая покрытая уравнениями. Юн заходила раз в несколько часов, чтобы проверить прогресс.

– Проблема в том, – объяснял Мюллер на второй день, – что нам не хватает концептуального аппарата. Мы пытаемся описать взаимодействие между нашим пространством-временем и чем-то, что находится *вне* его. Но вся наша физика построена на предположении, что пространство-время – это всё, что есть.

– Теория струн? – предложила Юн. – Бранная космология?

– Я пробовал. – Мюллер указал на одну из досок, исписанную уравнениями, половина которых была перечёркнута. – Дополнительные измерения не объясняют *направленность* воздействия. Ваши векторы указывают не просто «наружу» – они указывают на конкретные точки. Как будто там... – он замялся.

– Как будто там кто-то есть.

– Да. – Мюллер потёр лицо руками. Он не брился третий день, и щетина делала его похожим на бездомного. – Я пытаюсь построить модель, которая не требует *агента*. Чисто физическое объяснение. Но...

– Но?

– Но математика сопротивляется. Каждый раз, когда я пытаюсь убрать агента из уравнений, модель разваливается. Как будто *наличие наблюдателя* – необходимый компонент.

Юн молчала. Смотрела на доски, на уравнения, которые не понимала до конца – Мюллер был чистым теоретиком, его математика выходила за пределы её специализации.

– Квантовая механика, – сказала она наконец.

– Что?

– Эффект наблюдателя. Коллапс волновой функции при измерении. Мы знаем, что наблюдение влияет на квантовые системы. Что если это... – она помедлила, формулируя мысль. – Что если это тот же эффект, но в космическом масштабе?

Мюллер замер. Его глаза – красные от недосыпа – расширились.

– Вы имеете в виду...

– Что если наблюдение Зрителей *фиксирует* структуру Вселенной? Не позволяет ей распасться в квантовую суперпозицию? Гравитация – побочный продукт этой фиксации?

Мюллер схватил стилус. Начал писать на чистой доске – быстро, лихорадочно, бормоча что-то под нос.

– Это... это может работать, – сказал он через несколько минут. – Если модифицировать уравнения декогеренции... добавить член, отвечающий за внешнее наблюдение... – Он обернулся к Юн. – Мне нужно время. День, может быть два.

– Бери сколько нужно.

Она вышла, оставив его наедине с досками и уравнениями. За дверью прислонилась к стене, закрыла глаза.

Наблюдение фиксирует реальность. Без наблюдения – суперпозиция. Квантовая пена. Хаос.

Если это правда – что происходит, когда наблюдатель отворачивается?

Ответ на этот вопрос пришёл из неожиданного источника.

На пятый день после собрания Юн получила сообщение с Марса. Не от лаборатории, которая проверяла её данные – от старого коллеги, профессора Дэвиса из Марсианского технологического института.

«Юн. Я прочитал твой отчёт. И я нашёл кое-что в наших архивах, что тебе стоит увидеть. Это данные двадцатилетней давности – тогда мы не знали, что искать. Теперь, кажется, знаем. Прикрепляю файлы. Подтверди получение».

Юн открыла файлы.

И почувствовала, как мир снова сдвигается под ногами.

Данные Дэвиса показывали временную динамику. Не статичную карту распределения тёмной материи – а её *изменение* со временем. Двадцать лет наблюдений, сжатых в один график.

Концентрация тёмной материи в определённых областях *менялась*.

Не везде – в большинстве регионов она оставалась стабильной. Но в некоторых местах – росла. В других – падала.

Как будто кто-то *перемещал* своё внимание. Как будто что-то становилось интереснее – а что-то *скучнее*.

Юн смотрела на данные, и холод снова сжимал грудь.

Если внимание Зрителей может *уходить* из какой-то области – что происходит с этой областью? Что происходит с гравитацией? Со звёздами? С планетами?

С жизнью?

Она созвала Сяо Мэй немедленно.

– Смотри, – сказала Юн, выводя данные Дэвиса на экран. – Это с Марса. Двадцать лет наблюдений.

Сяо Мэй изучала график молча. Её лицо – обычно непроницаемое – выдавало тревогу.

– Динамика, – сказала она наконец. – Внимание перемещается.

– Да.

– И если оно *полностью* уйдёт из какой-то области...

– Гравитация исчезнет. Структуры распадутся. Всё, что удерживалось вниманием – рассеется.

Сяо Мэй отвернулась от экрана. Подошла к окну – тому же узкому проёму, через который Юн смотрела в ночь открытия.

– Есть данные по Солнечной системе? – спросила она.

Юн молчала. Она ждала этого вопроса – и боялась его.

– Я ещё не проверяла.

– Почему?

– Потому что... – Юн замялась. – Потому что боюсь того, что найду.

Сяо Мэй обернулась. Посмотрела на неё – долгим, оценивающим взглядом.

– Ты – и боишься данных?

– Я боюсь того, что они *означают*. Данные – просто числа. Но если числа скажут, что внимание уходит от нас...

Она не договорила. Не было нужды.

Сяо Мэй подошла к терминалу. Положила руку на клавиатуру.

– Проверим вместе, – сказала она. – Что бы там ни было – лучше знать.

Юн кивнула. Медленно, неохотно – но кивнула.

Они начали работу.

Анализ занял четыре часа.

Юн писала алгоритмы, Сяо Мэй проверяла данные, они вместе изучали результаты. Молча, сосредоточенно, как хирурги во время операции.

К полуночи картина стала ясной.

И она была хуже, чем Юн боялась.

– Тренд отрицательный, – сказала Сяо Мэй. Её голос звучал ровно – слишком ровно, как у человека, который сознательно контролирует эмоции. – Концентрация тёмной материи вокруг Солнечной системы падает.

– Насколько?

– Ноль целых ноль две процента в год. Стабильно. Последние сорок лет.

Юн смотрела на график. Простая линия, падающая слева направо. Почти незаметный наклон – но за десятилетия он накапливался.

– Это в пределах погрешности?

– Нет. Статистическая значимость – девяносто восемь процентов. Это реальный тренд.

Тишина. Гул вентиляции. Мерцание экранов.

– Они теряют к нам интерес, – сказала Юн.

Сяо Мэй не ответила. Она смотрела на график – на линию, которая падала и падала, уходя в будущее, которое они ещё не просчитали.

– Нужно построить экстраполяцию, – сказала Юн. – Узнать, к чему это ведёт.

– Юн...

– Нужно *знать*, Мэй. Что бы там ни было – нужно знать.

Сяо Мэй молчала. Потом медленно кивнула.

– Завтра, – сказала она. – Сейчас – слишком поздно. Мы обе устали. Ошибки...

– Хорошо. Завтра.

Юн выключила экран. Данные исчезли – но линия осталась перед глазами, выжженная на сетчатке. Падающая линия. Уходящее внимание.

Они выходили из лаборатории вместе, в молчании. У развилки коридоров – Сяо Мэй налево, к своему жилому модулю, Юн направо, к своему – они остановились.

– Юн, – сказала Сяо Мэй. – Если экстраполяция покажет то, чего мы боимся...

– То мы будем искать решение. Это единственное, что мы можем.

– А если решения нет?

Юн смотрела на неё – на женщину, которая шесть лет была её тенью, её правой рукой, её голосом скептицизма, когда собственный голос молчал.

– Тогда мы будем искать дальше, – сказала она. – Пока не найдём. Или пока не... – она не договорила.

Сяо Мэй кивнула. Развернулась. Пошла по коридору – прямая спина, ровный шаг. Ни следа той тревоги, которую Юн видела в её глазах минуту назад.

Маска. Они все носили маски. Это было частью работы.

Юн пошла к себе. Легла в кровать – впервые за неделю, в настоящую кровать, а не на лабораторный диван. Закрывает глаза.

Сон не шёл.

Линия стояла перед глазами. Падающая. Уходящая в будущее, которое она ещё не знала.

На следующее утро Юн пришла в лабораторию первой.

Терминал ожил под её пальцами. Данные загрузились – те же графики, те же числа, что вчера. Ничего не изменилось за ночь. Конечно, ничего не изменилось.

Она начала строить экстраполяцию.

Это была простая математика – продлить тренд в будущее, учитывая погрешности и возможные флуктуации. Детская задача для человека с её подготовкой. Но руки дрожали, когда она вводила параметры.

Результат появился на экране через минуту.

Юн смотрела на числа. Долго. Молча.

Потом откинулась в кресле и закрыла глаза.

Сяо Мэй нашла её так – с закрытыми глазами, неподвижную, перед экраном с результатами.

– Юн?

Голос пробился сквозь туман. Юн открыла глаза. Сяо Мэй стояла рядом, и на её лице – впервые за все годы знакомства – был страх.

– Ты в порядке?

– Нет, – ответила Юн честно. – Посмотри на экран.

Сяо Мэй посмотрела. Прочитала. Перечитала.

– Шестьсот лет, – сказала она.

– При текущей скорости падения. Возможно, чуть больше. Возможно, чуть меньше. Но порядок величины – верный.

– Шестьсот лет до чего?

– До критического порога. Уровня, ниже которого гравитация Солнца не удержит планеты. – Юн говорила ровно, как автомат. – Земля сойдёт с орбиты. Уйдёт в межзвёздное пространство. Температура упадёт. Атмосфера замёрзнет. Всё живое погибнет.

Тишина.

– Это... – Сяо Мэй запнулась. – Это можно предотвратить?

– Не знаю. Мы не понимаем, почему внимание уходит. Не понимаем, как его вернуть. Не понимаем... – Юн замолчала. Потом продолжила, тише: – Мы вообще почти ничего не понимаем.

Сяо Мэй села рядом. Молча. Смотрела на экран – на числа, которые предсказывали конец света через двадцать поколений.

– Что мы скажем людям? – спросила она наконец.

– Правду.

– Всю правду?

Юн повернулась к ней.

– А какой у нас выбор? Скрыть? Притвориться, что всё в порядке? – Она покачала головой. – Они учёные. Они всё равно узнают. Лучше – от меня, чем из слухов.

– Это вызовет панику.

– Возможно. Но паника – это эмоция. Она проходит. А проблема останется. – Юн встала. – Нужно созвать команду. Снова. И рассказать им всё.

Сяо Мэй не двигалась. Смотрела на экран.

– Юн, – сказала она. – Если они теряют к нам интерес... что мы делаем не так?

Вопрос повис в воздухе. Юн не знала ответа. Никто не знал.

– Может быть, ничего, – сказала она. – Может быть, мы просто... перестали быть интересными. Как книга, которую дочитали до конца. Как фильм, который уже видели.

– Мы – не книга.

– Для них – может быть, да. – Юн пошла к двери. Остановилась на пороге. – Созови команду. Через час.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Второе собрание было тяжелее первого.

Юн стояла перед теми же людьми – теми же двадцатью тремя лицами, которые неделю назад услышали, что на Вселенную смотрят извне. Тогда они были в шоке. Сейчас – шок прошёл, осталась работа. Они привыкали к новой реальности, учились жить с ней.

И вот – новый удар.

– Концентрация тёмной материи вокруг Солнечной системы падает, – говорила Юн. Голос ровный, почти механический. – Ноль целых ноль две процента в год. Это означает, что внимание Зрителей – если наша модель верна – постепенно уходит от нас.

Графики на экране. Линия, падающая вниз. Числа, которые никто не хотел видеть.

– При текущей скорости падения критический порог будет достигнут примерно через шестьсот лет, – продолжала Юн. – После этого гравитация Солнца станет недостаточной для удержания планет на орбитах. Последствия для жизни на Земле – катастрофические.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина.

Потом – голос из заднего ряда. Тот же молодой исследователь со скандинавским именем, который спрашивал о практических последствиях на первом собрании.

– А если они перестанут смотреть? – спросил он. – Совсем перестанут?

Юн посмотрела на него. На молодое лицо, на глаза, в которых ещё теплилась надежда.

– Тогда, – сказала она, – нас не станет. Не через шестьсот лет. Раньше. Гораздо раньше. Молчание.

Никто не спорил. Никто не требовал доказательств. Они все были учёными – они понимали, что значат эти данные.

Юн стояла перед ними, и впервые в жизни не знала, что сказать дальше.

Глава 3: Падение

После собрания Юн не пошла домой.

Она вернулась в лабораторию – в ту же комнату, где провела сто часов неделю назад, где впервые увидела аномалию, где мир перевернулся. Терминалы ждали её, мерцая синим светом. Данные ждали – терпеливые, безразличные к тому, что она о них думала.

Ноль целых ноль два процента в год.

Число крутилось в голове, как осколок стекла – маленькое, острое, невозможное игнорировать. Такое незначительное число. Такое *смертельное* число.

Юн села за терминал. Открыла архивные данные – не те, что уже анализировала, а более старые. Записи предшественников «Призмы», проекты пятидесятих и шестидесятих годов, первые попытки картографировать тёмную материю. Данные были грубыми, с большими погрешностями, но они *существовали*. Пятьдесят лет наблюдений. Может быть, этого хватит, чтобы увидеть картину целиком.

Она начала писать алгоритм.

Три часа спустя картина стала яснее. И страшнее.

Тренд был не новым. Он начался не сорок лет назад, когда «Призма» начала работу, – он начался *раньше*. Данные пятидесятих годов показывали ту же тенденцию, просто с большей погрешностью. Если экстраполировать назад...

Юн построила график. Линия уходила в прошлое – за пределы наблюдений, в область чистых предположений. Но если тренд был стабильным – а все данные указывали, что да, – то падение началось примерно сто пятьдесят лет назад.

Середина двадцать первого века. Эпоха климатических войн, массовых миграций, первых попыток колонизации космоса.

Что произошло тогда? Что *изменилось*?

Юн не знала. Она была историком не больше, чем поэтом. Но вопрос засел в голове, как заноза.

Она переключилась на будущее.

Экстраполяция, которую она показала команде, была упрощённой – линейной, предполагающей постоянную скорость падения. Но что если скорость *менялась*? Что если падение ускорялось – или замедлялось?

Юн написала новый алгоритм. Более сложный, учитывающий возможные нелинейности. Запустила расчёт.

Результаты появились через двадцать минут.

Три сценария.

Оптимистичный: падение замедляется. Критический порог – через восемьсот лет. Времени больше, но ненамного.

Базовый: падение линейное. Критический порог – через шестьсот лет. То, что она уже знала.

Пессимистичный: падение ускоряется. Критический порог – через четыреста лет.

Юн смотрела на три линии, расходящиеся веером. Три будущих. Три варианта конца.

Ни один из них не включал вариант «всё будет хорошо».

К рассвету – если можно называть рассветом момент, когда лампы в коридоре переключались на дневной режим – Юн закончила детальный анализ.

Отчёт получился на восемьдесят страниц. Данные, графики, уравнения, выводы. Всё, что она знала о падении внимания, – сжатое в документ, который изменит историю человечества.

Если его прочитают.

Если поверят.

Юн откинулась в кресле. Тело ныло – она снова не спала всю ночь, снова забыла о еде, снова игнорировала всё, кроме работы. Плохая привычка. Привычка, которая однажды её убьёт.

Хотя, если верить данным, убьёт её не это.

Она посмотрела на экран. На кнопку «Отправить», которая ждала под списком получателей. Генеральный секретарь Земного Союза. Совет Безопасности. Главы космических агентств.

Люди, которые принимают решения. Люди, которые могут что-то *сделать*.

Если захотят. Если смогут.

Юн положила палец на кнопку. Помедлила.

Что произойдёт, когда она нажмёт? Паника? Отрицание? Попытки засекретить информацию?

Или – хуже – ничего?

Политики славились способностью игнорировать проблемы, которые случатся не при их жизни. Шестьсот лет – это двадцать поколений. Кого волнует, что будет через двадцать поколений?

Всех, подумала Юн. Всех, у кого есть дети. Или внуки. Или просто – совесть.

Она нажала кнопку.

Сообщение ушло.

Ответ пришёл через четыре часа.

Юн не ждала его так быстро – бюрократия Земного Союза славилась медлительностью. Но, видимо, слова «катастрофа планетарного масштаба» в теме письма сработали.

«Доктор Ли. Ваш отчёт получен и передан на рассмотрение Совету Безопасности. Генеральный секретарь Чен Вэй просит вас прибыть в Женеву для личного представления данных. Экстренное заседание назначено на 14:00 по средневропейскому времени, послезавтра. Транспорт будет организован. Подтвердите получение».

Юн перечитала сообщение дважды. Экстренное заседание. Личное представление. Транспорт.

Они отнеслись серьёзно.

Или, по крайней мере, *достаточно* серьёзно, чтобы выслушать.

Она отправила подтверждение. Потом встала из-за терминала, потянулась – позвоночник хрустнул в нескольких местах – и пошла к двери.

Нужно было собраться. Нужно было подготовить презентацию. Нужно было...

Она остановилась на пороге.

Нужно было позвонить матери.

Связь с лунной базой Шэньчжоу работала с задержкой в полторы секунды – расстояние до другой стороны Луны, плюс ретрансляторы, плюс обработка сигнала. Юн привыкла к этим паузам за десятилетия; они стали частью ритма разговоров, как вдохи между фразами.

Лицо матери появилось на экране – знакомое, родное, постаревшее. Восемьдесят семь лет. Медицина могла продлить жизнь до ста восьмидесяти, но годы всё равно оставляли следы: глубокие морщины вокруг глаз, седые волосы, собранные в небрежный пучок, руки с выступающими венами.

– Юн! – Мать улыбнулась, и морщины превратились в лучики вокруг глаз. – Какой приятный сюрприз. Ты редко звонишь.

Упрёк, спрятанный в ласковые слова. Юн приняла его молча – заслужила.

– Привет, мама. Как ты?

– Хорошо, хорошо. – Мать махнула рукой – жест, который Юн помнила с детства. – Возилась в саду весь день. Томаты наконец дали плоды, представляешь? Три года я с ними билась, три года они отказывались расти в этом проклятом грунте, а теперь – смотри!

Она повернула камеру, показывая куполовидную оранжерею за спиной. Ряды растений под искусственным светом, среди них – кусты с красными пятнами спелых помидоров.

– Красиво, – сказала Юн. И это было правдой – было что-то трогательное в этих растениях, выросших на Луне, в четырехстах тысячах километров от родной почвы.

– Красиво, – согласилась мать. – Но ты звонишь не чтобы посмотреть на мои томаты. Что случилось?

Пауза. Полторы секунды задержки – и ещё несколько, пока Юн подбирала слова.

– Ничего, – сказала она наконец. – Просто... захотелось услышать твой голос.

Мать смотрела на неё через экран. Те же глаза, что у Юн – тёмные, внимательные, видящие больше, чем хотелось бы.

– Юн Ли. – Голос стал серьёзнее. – Я родила тебя, я вырастила тебя, я знаю тебя пятьдесят шесть лет. Ты никогда не звонишь просто так. Что случилось?

Юн молчала. Что сказать? «Мама, я обнаружила, что на Вселенную смотрят извне, и те, кто смотрит, теряют к нам интерес»? «Мама, через шестьсот лет человечество погибнет, если мы ничего не сделаем»? «Мама, я лечу на Землю, чтобы рассказать это политикам, и я не знаю, поверят ли они»?

– Работа, – сказала она. – Много работы. Сложной работы.

– Ты всегда много работаешь. – Мать покачала головой. – Слишком много. Ты когда последний раз отдыхала? Когда последний раз ела нормальную еду, а не эти ваши пайки?

– Мама...

– Не «мама» мне! – Голос стал строже, но в глазах мелькнула улыбка. – Я серьёзно. Ты выглядишь ужасно. Бледная, осунувшаяся. Под глазами круги. Ты спишь вообще?

– Сплю. – Юн чуть не добавила «иногда», но вовремя остановилась.

– Врёшь. – Мать вздохнула. – Ты всегда была такой. Даже маленькой – если что-то тебя интересовало, ты забывала обо всём остальном. Помнишь, как ты в семь лет три дня не выходила из комнаты, потому что пыталась понять, как работает телескоп?

Юн помнила. Смутно, как помнят вещи из далёкого детства, но помнила.

– Я приехала с едой, – продолжала мать. – Ты даже не заметила. Сидела с этим телескопом, разобранным на части, и бормотала что-то о линзах и фокусных расстояниях. Семь лет! – Она рассмеялась – тихо, с любовью. – Я тогда поняла, что потеряла тебя. Что ты будешь принадлежать звёздам, а не мне.

– Мама... – Юн почувствовала, как что-то сжимается в груди. Не холод – другое. Теплее. Больше.

– Всё хорошо, дочка. – Мать снова улыбнулась. – Я не жалею. Я горжусь тобой. Всегда гордилась. Просто... береги себя, ладно? Звёзды никуда не денутся. А ты у меня одна.

Юн смотрела на экран – на лицо матери, на морщины, на седые волосы. Думала о том, что через шестьсот лет не будет ни томатов, ни куполов, ни матерей. Ни детей, которые разбирают телескопы. Ни звёзд, которые можно изучать.

– Я буду беречь себя, – сказала она. Голос не дрогнул – она контролировала его, как контролировала всё остальное. – Обещаю.

– Хорошо. – Мать кивнула. – А теперь расскажи мне, что тебя беспокоит. Я вижу, что что-то не так. Не нужно деталей – просто скажи, что всё будет хорошо.

Пауза. Долгая, мучительная.

– Всё будет хорошо, – сказала Юн.

Ложь. Первая ложь, которую она сказала матери за всю жизнь. Она чувствовала её вкус – горький, неправильный.

– Вот и славно. – Мать, похоже, поверила. Или сделала вид, что поверила. – Позвони мне, когда закончишь с работой. Расскажешь, над чем трудилась.

– Обязательно.

– И поешь что-нибудь!

– Поем.

– Люблю тебя, Юн.

– Я тоже тебя люблю, мама.

Экран погас. Юн осталась одна – в тишине кабинета, с тяжестью в груди, которая не имела ничего общего с физикой.

Она сидела неподвижно несколько минут. Потом встала и пошла собираться.

Женева ждала.

Транспорт до Земли был быстрым – правительственный челнок, не обычный рейсовый. Шесть часов от лунной орбиты до геостационарной станции, ещё два – до поверхности. Юн провела это время, работая над презентацией.

Восемьдесят страниц отчёта нужно было сжать до двадцати минут выступления. Политики не читали отчёты – они слушали презентации. Короткие фразы, яркие графики, простые выводы. Наука, адаптированная для тех, кто не понимает науку.

Юн ненавидела этот процесс. Ненавидела упрощать, обрезать, жертвовать точностью ради доступности. Но это было необходимо. Если Совет не поймёт – они не поверят. Если не поверят – не будут действовать.

А действовать было нужно. Может быть, не сегодня. Может быть, не в этом году. Но когда-нибудь – обязательно.

Шестьсот лет. Или четыреста, если пессимистичный сценарий верен. Звучит как вечность – но для цивилизации это мгновение. Египетские пирамиды стоят четыре с половиной тысячи лет. Великая Китайская стена – две тысячи. Человечество строило вещи, которые переживали столетия.

Теперь нужно было построить что-то, что переживёт *конец*.

Если это вообще возможно.

Юн отложила планшет, посмотрела в иллюминатор. Земля висела внизу – голубая, белая, зелёная. Живая. Единственный дом для большинства из одиннадцати миллиардов людей.

Через шестьсот лет этот дом станет ледяным камнем, дрейфующим в межзвёздной пустоте.

Если ничего не изменится.

Челнок снижался над Европой.

Юн смотрела в иллюминатор – на Альпы, белеющие снежными шапками, на синюю ленту Женевского озера, на город, раскинувшийся вдоль берега. Женева. Столица Земного Союза. Место, где принимались решения, влияющие на миллиарды.

Сегодня здесь примут ещё одно.

Или не примут. Юн не питала иллюзий насчёт политиков. Она видела их в работе – на конференциях, на слушаниях по бюджету, на тех редких встречах, когда наука и власть пересекались. Большинство из них заботились о следующих выборах, не о следующих столетиях.

Но, может быть, это будет иначе. Может быть, масштаб угрозы заставит их думать шире. Может быть...

Челнок коснулся посадочной площадки – мягко, почти неощутимо. Юн отстегнула ремни, встала. Тело ныло от долгого сидения; она потянулась, разминая затёкшие мышцы.

За иллюминатором виднелось здание – старое, из серого камня, с колоннами и флагами всех государств Союза. Дворец Наций. Ему было почти четыреста лет – он помнил времена, когда люди ещё не вышли в космос.

Юн собрала вещи – планшет с презентацией, папку с распечатками, очки, которые так и не сняла за всё время полёта. Пошла к выходу.

У трапа её ждал человек в форме – молодой, подтянутый, с эмблемой Союза на плече.

– Доктор Ли? – Он козырнул. – Капитан Андерсон, служба безопасности. Мне поручено сопроводить вас во Дворец.

– Спасибо. – Юн спустилась по трапу, чувствуя, как земная гравитация давит на плечи. Она провела на Луне слишком много лет – каждый раз, возвращаясь на Землю, тело напоминало об этом.

– Заседание начнётся через три часа, – сказал Андерсон, ведя её к ожидающей машине. – Генеральный секретарь просил передать, что перед заседанием хотел бы встретиться с вами лично.

– Лично?

– Да, мэм. У него есть вопросы.

Юн кивнула. Вопросы – это хорошо. Вопросы означали, что он прочитал отчёт. Или хотя бы выводы.

Машина тронулась, скользя по улицам Женевы. За окнами мелькали здания – старые и новые, смешение архитектурных эпох. Люди шли по тротуарам, сидели в кафе, жили своей жизнью. Обычный день. Обычный мир.

Мир, который не подозревал, что приговорён.

Кабинет генерального секретаря располагался на верхнем этаже Дворца – просторный, светлый, с огромными окнами, выходящими на озеро. Мебель была старомодной – деревянный стол, кожаные кресла, книжные шкафы вдоль стен. Дань традиции, не практическая необходимость.

Чен Вэй встал, когда она вошла.

Ему было семьдесят два года – возраст, который в двадцать втором веке считался расцветом сил. Высокий, худощавый, с аккуратной седой бородкой и глазами, которые не пропускали ничего. Политик старой школы – из тех, что умели слушать прежде, чем говорить.

– Доктор Ли. – Он пожал ей руку – крепко, по-деловому. – Благодарю, что прибыли так быстро.

– Это было необходимо.

– Да. – Он указал на кресло напротив своего стола. – Садитесь, пожалуйста. У нас есть около часа до заседания.

Юн села. Положила планшет на колени, папку – на стол. Посмотрела на генерального секретаря.

– Вы прочитали отчёт, – сказала она. Не вопрос – утверждение.

– Прочитал. – Чен Вэй тоже сел, сложил руки на столе. – Дважды. И до сих пор надеюсь, что вы ошиблись.

– Я тоже надеялась. Первые трое суток.

– И потом перестали?

– Потом я получила независимые подтверждения от четырёх лабораторий. – Юн открыла папку, вынула распечатки. – Кембридж, Цюрих, Токио, Сидней. Все подтвердили данные.

Чен Вэй взял распечатки, пролистал. Его лицо оставалось непроницаемым – политики умели скрывать эмоции лучше, чем учёные.

– Допустим, вы правы, – сказал он наконец. – Допустим, на Вселенную действительно смотрят извне. Допустим, эти... «Зрители»... теряют к нам интерес. – Он отложил бумаги. – Что мы можем с этим сделать?

– Не знаю.

Чен Вэй поднял бровь.

– Вы привезли мне проблему без решения?

– Я привезла вам *факты*, – ответила Юн. – Интерпретацию фактов. Прогноз, основанный на данных. Решение – это ваша работа, не моя.

– Моя работа – принимать решения на основе информации. Вы предоставили информацию. Но вы также – эксперт. Что *вы* думаете?

Юн молчала. Что она думала? За последние две недели она думала о многом – о природе Зрителей, о механизме их внимания, о том, почему оно уходит. Но решений у неё не было.

– Я думаю, – сказала она медленно, – что нам нужно больше данных. Мы не понимаем, почему внимание падает. Не понимаем, чем оно привлекается. Не понимаем, можно ли его *вернуть*.

– И как получить эти данные?

– Исследования. Экспедиции. – Юн помедлила. – Есть области космоса, где тёмной материи почти нет. Мы называем их «слепыми пятнами». Если там есть следы других цивилизаций – тех, кто был до нас, – они могли оставить информацию.

– Вы предлагаете экспедицию в «слепое пятно»?

– Я предлагаю *рассмотреть* такую возможность. – Юн подалась вперёд. – Генеральный секретарь, у нас есть шестьсот лет. Может быть, четыреста. Это кажется долгим сроком, но для цивилизации...

– Мгновение. – Чен Вэй кивнул. – Я понимаю. – Он помолчал, глядя на бумаги. – Доктор Ли, вы понимаете, что произойдёт, когда эта информация станет публичной?

– Паника. Хаос. Возможно, социальные потрясения.

– Возможно? – Он чуть улынулся – без веселья. – Вы недооцениваете людей. Или переоцениваете.

– Я – физик. Психология масс не моя специальность.

– А моя. – Чен Вэй встал, подошёл к окну. Стоял спиной к Юн, глядя на озеро. – Знаете, что меня беспокоит больше всего? Не сама угроза. Угрозы были всегда – астероиды, пандемии, ядерная война. Человечество научилось жить с угрозами.

– Тогда что?

– Бессмысленность. – Он обернулся. – Мы можем бороться с астероидом – отклонить его, разрушить. Можем бороться с болезнью – разработать вакцину. Но как бороться с... *равнодушием*? Как заставить кого-то – чего-то – снова обратить на нас внимание?

Юн молчала. Она думала о том же вопросе – с того момента, как впервые поняла, что означают данные.

– Мы не знаем, – сказала она. – Пока не знаем. Но у нас есть время, чтобы узнать.

– Шестьсот лет.

– Да.

Чен Вэй вернулся к столу. Сел напротив неё.

– Хорошо, – сказал он. – Представьте ваши данные Совету. Расскажите им всё – без прикрас, без смягчений. Они должны понять масштаб. – Он помолчал. – А потом мы будем решать, что делать.

– Вы верите мне?

– Я верю данным. – Чен Вэй чуть наклонил голову. – А данные говорят, что вы правы. Или, по крайней мере, что вы *можете* быть правы. И этого достаточно, чтобы отнестись серьёзно.

Юн кивнула. Встала.

– Благодарю за время, генеральный секретарь.

– Благодарю за честность, доктор Ли. – Он тоже встал. – Это редкое качество. Особенно когда честность приносит плохие новости.

Она вышла из кабинета, унося с собой странное чувство. Не надежду – надежды не было, не на что было надеяться. Но что-то близкое. Может быть – уважение. Чен Вэй не отмахнулся, не проигнорировал, не попытался замаять. Он *услышал*.

Это было начало.

До заседания оставался час.

Юн сидела в комнате ожидания – небольшом помещении рядом с залом Совета, обставленном с той же старомодной роскошью. Кожаные диваны, деревянные панели, картины на стенах. История, застывшая в интерьере.

Она перечитывала презентацию в последний раз. Двадцать слайдов. Двадцать минут. Всё, что нужно было сказать – сжатое до размера, который политики могли переварить.

Планшет завибрировал – входящее сообщение. Юн посмотрела на экран.

От Сяо Мэй.

«Юн. Команда работает. Мюллер закончил теоретическую модель – она подтверждает твою гипотезу. Внимание Зрителей действительно фиксирует квантовые состояния. Без него – декогеренция нарушается. Это объясняет, почему структуры распадаются в слепых пятнах».

Юн читала, и что-то сжималось в груди. Мюллер справился. Модель работала. Ещё одно подтверждение – ещё один кирпич в стене доказательств.

«Есть ещё кое-что», – продолжала Сяо Мэй. – «Ковач нашёл в данных интересную корреляцию. Области, где концентрация внимания растёт, совпадают с областями... «интересных» событий. Войны, катастрофы, но не только. Научные прорывы тоже. Рождения, смерти – статистически значимые. Как будто Зрителей привлекает не что-то конкретное, а... неопределённость. Моменты, когда исход неизвестен».

Юн перечитала последний абзац дважды. Неопределённость. Моменты выбора. Точки бифуркации.

Это имело смысл. Зрители смотрели на Вселенную – как зрители смотрят фильм. Что делает фильм интересным? Неизвестность. Напряжение. Вопрос «что будет дальше».

А что делает фильм *скучным*? Предсказуемость. Рутинность. Отсутствие драмы.

Может быть, человечество стало слишком *предсказуемым*?

Мысль была странной, почти оскорбительной. Но она объясняла данные. Объясняла, почему падение началось сто пятьдесят лет назад – в эпоху, когда человечество начало стабилизироваться после кризисов двадцать первого века. Объясняла, почему внимание уходило – потому что драма *закончилась*.

Юн набрала ответ:

«Спасибо. Передай Ковачу – пусть продолжает копать. Это важно. Может быть, самое важное, что у нас есть».

Отправила. Посмотрела на часы – сорок минут до заседания.

Она встала, подошла к окну. За стеклом – Женева, озеро, горы вдали. Мир, который не подозревал, что приговорён. Мир, который жил своей жизнью – предсказуемой, рутинной, *скучной*.

Может быть, это и было проблемой.

Может быть, решение было в том, чтобы снова стать *интересными*.

Но как?

Зал Совета Безопасности был огромен.

Полукруг столов, расположенных амфитеатром, обращённых к центральной трибуне. Голографические экраны над каждым местом. Делегаты – двадцать три человека, представлявшие все регионы Земного Союза. Чен Вэй – в центре, на председательском месте.

Юн стояла у трибуны, глядя на лица. Политики, дипломаты, военные – люди власти, привыкшие принимать решения. Некоторых она узнавала по новостям, большинство – нет.

– Уважаемые члены Совета, – начала она. – Благодарю за возможность выступить. То, что я должна вам сказать, изменит всё, что мы знаем о Вселенной.

Она нажала кнопку – первый слайд появился на экранах. Гравитационный вектор, указывающий в пустоту.

– Две недели назад я обнаружила аномалию в данных нашего проекта...

Двадцать минут.

Юн говорила – ровно, чётко, без эмоций. Показывала графики, объясняла уравнения, приводила статистику. Старалась сделать сложное простым, непонятное – понятным.

Лица делегатов менялись по мере её рассказа. Недоумение. Недоверие. Шок. Страх. Она видела эти эмоции – видела, как они сменяли друг друга, как волны прилива.

Когда она закончила – тишина. Долгая, тяжёлая.

Потом – голоса.

– Это невозможно...

– Данные проверены?

– Четыре независимые лаборатории...

– Шестьсот лет – это достаточно времени...

– Недостаточно, если мы не поймём...

Чен Вэй поднял руку. Голоса стихли.

– Доктор Ли, – сказал он. – Вы представили нам данные. Теперь – ваши рекомендации. Что мы можем *сделать*?

Юн смотрела на него. На человека, который задавал тот же вопрос, что и в кабинете – но теперь при свидетелях.

– Я не политик, – сказала она. – Не военный. Не экономист. Я – физик. Моя работа – понимать Вселенную. Не управлять ею.

– Но вы понимаете проблему лучше, чем кто-либо из нас. Что *вы* бы сделали?

Юн молчала. Думала о данных, о корреляциях, которые нашёл Ковач. О неопределённости, которая привлекала внимание.

– Я бы искала ответы, – сказала она наконец. – Экспедиция в слепое пятно – область космоса, где внимание полностью ушло. Если там есть следы других цивилизаций – мы можем узнать, что случилось с ними. Как они боролись. Или почему не смогли.

– Экспедиция, – повторил кто-то из делегатов. – Сколько это займёт?

– Ближайшее слепое пятно – в шести месяцах пути. Туда и обратно – год.

– И что мы найдём?

– Не знаю. – Юн пожала плечами – жест, который она редко себе позволяла. – Может быть, ничего. Может быть, ответы. Но если мы не будем искать – мы точно ничего не найдём. Чен Вэй кивнул. Повернулся к остальным делегатам.

– Думаю, нам есть что обсудить, – сказал он. – Доктор Ли, благодарим вас за информацию. Мы свяжемся с вами, когда примем решение.

Юн кивнула. Собрала планшет, папку с распечатками. Пошла к выходу.

У дверей она остановилась. Обернулась.

Двадцать три человека смотрели на неё – двадцать три лица с одинаковым выражением. Не страх, не гнев, не отчаяние. Что-то другое.

Может быть – решимость.

Может быть – надежда.

Юн вышла из зала.

Обратный путь на Луну занял те же восемь часов.

Юн сидела в кресле челнока, глядя в иллюминатор. Земля удалялась – голубой шар, становившийся всё меньше. Дом для одиннадцати миллиардов. Дом, который она пыталась спасти.

Или хотя бы дать ему шанс.

Она думала о матери. О томатах в лунной оранжерее. О голосе, который говорил: «Береги себя, Юн». О лжи, которую она сказала: «Всё будет хорошо».

Через шестьсот лет не будет ни томатов, ни куполов, ни матерей.

Если ничего не изменится.

Юн закрыла глаза. Позволила себе минуту слабости – минуту, когда она была не учёным, не экспертом, не голосом разума. Просто человеком. Дочерью, которая соврала матери. Женщиной, которая боялась будущего.

Потом она открыла глаза. Взяла планшет. Начала читать последние сообщения от команды.

Работа не была закончена. Работа только начиналась.

А до конца оставалось шестьсот лет.

Или четыреста.

Или – если они будут достаточно *интересны* – может быть, гораздо больше.

Глава 4: Совет

Вызов пришёл через три дня.

Юн была в лаборатории – снова, как всегда, – когда терминал мигнул входящим сообщением высшего приоритета. Красная рамка, три восклицательных знака, требование немедленного подтверждения.

«Доктор Ли. Расширенное заседание Совета Безопасности назначено на завтра, 10:00 по средневропейскому времени. Присутствие обязательно. Будут представлены все ключевые ведомства, включая Объединённое военное командование. Генеральный секретарь просит вас подготовить расширенную презентацию с ответами на технические вопросы. Транспорт организован».

Юн перечитала сообщение. Объединённое военное командование. Это было ново.

Первое заседание было закрытым – только гражданские, только политики. Теперь подключались военные. Это означало, что Чен Вэй отнёсся к её данным серьёзно. Достаточно серьёзно, чтобы привлечь тех, кто отвечал за безопасность человечества.

Она отправила подтверждение и начала собираться.

Дворец Наций встретил её дождём.

Мелким, морозящим, типичным для Женевы в это время года. Юн вышла из машины, подняв воротник пальто, и быстро прошла к входу. Капитан Андерсон – тот же офицер, что встречал её в прошлый раз – ждал под навесом.

– Доктор Ли. – Он козырнул. – Заседание начнётся через час. Генеральный секретарь просил передать, что перед началом хотел бы представить вас некоторым участникам.

– Каким именно?

– Маршалу Кастро. Командующему Объединёнными силами.

Юн кивнула. Имя было знакомым – она видела его в новостях, в отчётах о военных операциях в Поясе астероидов. Элеонора Кастро. Ветеран трёх войн. Женщина, которая принимала невозможные решения.

– Ведите, – сказала она.

Комната для переговоров была меньше главного зала Совета – овальный стол на восемь человек, экраны на стенах, приглушённый свет. Чен Вэй уже был там, стоял у окна, глядя на дождь.

Рядом с ним – женщина.

Высокая, жилистая, с военной осанкой, которую невозможно было спутать ни с чем. Седые волосы собраны в строгий пучок. Лицо – карта шрамов: тонкая линия через левую бровь, рваный след на подбородке, что-то похожее на ожог на виске. Левая рука – протез, блестящий металл от локтя до кончиков пальцев.

Глаза – серые, холодные, *оценивающие*.

– Доктор Ли, – сказал Чен Вэй, оборачиваясь. – Позвольте представить маршала Элеонору Кастро.

Кастро шагнула вперёд. Пожала руку Юн – крепко, по-деловому. Металлические пальцы были тёплыми – внутренний подогрев, поняла Юн, технология для комфорта.

– Я прочитала ваш отчёт, – сказала Кастро. Голос был низким, хрипловатым, как у человека, который слишком много командовал на поле боя. – Дважды.

– И что вы думаете?

– Думаю, что вы либо гений, либо сумасшедшая. – Кастро чуть наклонила голову. – Данные говорят, что первое. Но я хочу услышать от вас лично.

Юн выдержала её взгляд. Не отступила, не отвела глаза.

– Данные реальны, – сказала она. – Четыре независимые лаборатории подтвердили. Статистическая значимость – девяносто девять и девять десятых процента. Я не сумасшедшая. И, к сожалению, не ошибаюсь.

Кастро молчала. Смотрела на неё – долго, оценивающе. Потом кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда у меня есть вопросы.

Они сели за стол – Чен Вэй во главе, Кастро справа, Юн напротив неё. Адъютант принёс кофе; Юн взяла чашку, не почувствовав вкуса.

– Ваш отчёт описывает проблему, – начала Кастро. – Внимание Зрителей уходит. Гравитация падает. Через шестьсот лет – катастрофа. – Она сложила руки на столе – живую поверх металлической. – Но вы не предлагаете решения.

– Потому что у меня его нет.

– У вас нет *готового* решения. Но вы – эксперт. Вы понимаете феномен лучше, чем кто-либо. Что вы *предполагаете*?

Юн помедлила. Она думала об этом – постоянно, с того момента, как впервые увидела данные. Но предположения не были доказательствами. Гипотезы не были фактами.

– Моя команда обнаружила корреляцию, – сказала она наконец. – Области, где концентрация внимания растёт, совпадают с... «интересными» событиями.

– Интересными?

– Неопределёнными. Моменты, когда исход неизвестен. Войны, катастрофы, но не только. Научные прорывы тоже. Рождения, смерти – статистически значимые. Как будто Зрителей привлекает не что-то конкретное, а сама *непредсказуемость*.

Кастро подалась вперёд. В её глазах мелькнуло что-то – интерес? Расчёт?

– Вы говорите, что страдание привлекает внимание?

– Нет. – Юн покачала головой. – Я говорю, что *неопределённость* привлекает внимание. Страдание – частный случай. Войны интересны не потому, что люди умирают, а потому, что исход неизвестен. Кто победит? Что изменится?

– А научные прорывы?

– То же самое. Получится или нет? К чему приведёт? Любое событие, где возможны разные варианты развития, – точка бифуркации. Зрителей привлекают точки бифуркации.

Кастро откинулась назад. Её лицо оставалось непроницаемым, но Юн видела, как работает её мозг – просчитывает варианты, строит планы.

– Есть ли примеры, – спросила Кастро, – областей, где внимание *росло*? Не падало – росло?

– Есть. Локальные всплески. Обычно совпадают с крупными событиями – войнами в Поясе, например. Или с масштабными проектами – терраформирование Марса вызвало заметный рост в 2140-х.

– Тераформирование, – повторила Кастро. – Грандиозный проект с неизвестным исходом.

– Именно.

– Значит, теоретически... если мы создадим достаточно *грандиозных* проектов, достаточно *неопределённых* событий...

– Теоретически – да. Мы можем привлечь внимание обратно.

Тишина. Чен Вэй переводил взгляд с одной на другую, не вмешиваясь.

– Но есть проблема, – продолжила Юн. – Мы не понимаем механизма. Не понимаем, почему падение началось. Не понимаем, что именно делает событие «интересным» для Зрителей. Корреляция – не причинность.

– Тогда как узнать?

– Исследовать. – Юн достала планшет, вывела карту на экран. – Вот распределение тёмной материи в ближайшем секторе. Видите эти области? – Она указала на тёмные пятна. – Слепые пятна. Места, где внимание полностью ушло.

– И что в них?

– Не знаем. Никто не исследовал – зачем лететь туда, где ничего нет? Но теперь... – Юн помедлила. – Если там есть следы других цивилизаций, тех, кто был до нас, – они могли оставить информацию. Предупреждение. Может быть – решение.

Кастро смотрела на карту. Её металлические пальцы постукивали по столу – едва слышно, ритмично.

– Экспедиция, – сказала она. – Вы предлагаете экспедицию в слепое пятно.

– Да.

– Сколько времени?

– Ближайшее – шесть месяцев пути. Год на всю миссию, включая исследования на месте.

– Риски?

– Неизвестны. Мы не знаем, что происходит с людьми в зонах без внимания. Возможно, ничего. Возможно... – Юн не договорила.

– Возможно – что-то плохое, – закончила Кастро за неё. – Но без данных мы не узнаем.

– Именно.

Кастро кивнула. Повернулась к Чен Вэю.

– Я поддерживаю экспедицию, – сказала она. – На заседании. При условии, что получу право формировать экипаж.

Чен Вэй поднял бровь.

– Это научная миссия, маршал.

– Это миссия в неизвестность. – Кастро встала. – Научная или нет – она требует людей, которые умеют справляться с неизвестностью. Я знаю таких людей. Я обучала их.

Юн смотрела на неё – на женщину, которая за десять минут разговора перехватила инициативу. Которая уже строила планы, пока остальные ещё пытались переварить информацию.

Опасный человек, подумала она. Полезный – но опасный.

– Мы обсудим это на заседании, – сказал Чен Вэй.

Кастро кивнула. Пошла к двери.

На пороге она остановилась. Обернулась к Юн.

– Доктор Ли. – Голос был ровным, почти мягким. – Вы сказали, что страдание – не причина внимания. Только корреляция.

– Да.

– Вы уверены?

Юн помедлила. Что-то в голосе Кастро – какая-то нотка – заставило её насторожиться.

– Это то, что показывают данные, – ответила она осторожно.

– Данные показывают корреляцию между войнами и ростом внимания. – Кастро чуть наклонила голову. – Между катастрофами и ростом внимания. Между страданием и ростом внимания.

– И между научными прорывами. И между грандиозными проектами.

– Но войны – надёжнее. – Кастро улыбнулась – тонко, без тепла. – Прорывы случаются редко. Проекты занимают десятилетия. А страдание... страдание можно организовать.

Юн почувствовала, как холодеет в груди.

– Вы не предлагаете...

– Я ничего не предлагаю, – перебила Кастро. – Пока. Я просто задаю вопросы. Это моя работа – задавать вопросы, которые другие боятся задать.

Она вышла. Дверь закрылась за ней бесшумно.

Юн сидела неподвижно, глядя на закрытую дверь. Сердце билось чаще, чем обычно.

– Не беспокойтесь, – сказал Чен Вэй. Его голос звучал устало. – Маршал Кастро... своеобразный человек. Но она не делает ничего без веских причин.

– Это меня и беспокоит, – ответила Юн.

Заседание началось в десять утра.

Зал был полнее, чем в прошлый раз, – не двадцать три человека, а почти пятьдесят. Гражданские делегаты, военные в форме, советники, эксперты. Юн узнала нескольких – министр науки Земного Союза, глава космического агентства, командующие региональными флотами.

Кастро сидела в углу – спина прямая, руки сложены на груди. Металлические пальцы поблёскивали в свете ламп.

Чен Вэй открыл заседание коротким вступлением – напомнил о предыдущей презентации Юн, о данных, которые были разосланы всем участникам. Потом передал слово ей.

Юн встала за трибуну. Пятьдесят пар глаз смотрели на неё – настороженно, скептически, с разной степенью страха.

– Три недели назад, – начала она, – я обнаружила аномалию в данных проекта «Призма». Сегодня я здесь, чтобы рассказать вам, что эта аномалия означает для будущего человечества.

Первый слайд – тот же, что она показывала раньше. Гравитационный вектор, указывающий в пустоту.

– Тёмная материя – не вещество. Это *внимание*. Взгляд, направленный на нашу Вселенную извне...

Она говорила двадцать минут. Потом – ещё десять, отвечая на технические вопросы. Потом – ещё пятнадцать, когда начались дебаты.

Первым заговорил министр науки – грузный мужчина с седой бородой и нервной привычкой теребить запонки.

– Доктор Ли, – сказал он, – я прочитал ваш отчёт. Дважды. И я до сих пор не понимаю, как это возможно. Вы утверждаете, что на Вселенную смотрят извне. Но *извне* – это где? Что находится за пределами пространства-времени?

– Мы не знаем, – ответила Юн. – Математическая модель описывает воздействие, но не его источник. Это как... – она подбирала сравнение. – Как видеть тень, не видя того, кто её отбрасывает.

– Но тени не влияют на гравитацию.

– Эта – влияет.

– Это противоречит всему, что мы знаем о физике!

– Нет, – сказала Юн терпеливо. – Это *расширяет* то, что мы знаем о физике. Так было с квантовой механикой – она не отменила классическую, а показала её границы. Так было с теорией относительности. Теперь – так с этим.

Министр открыл рот, чтобы возразить, но его перебил голос из другой части зала.

– Хватит о физике. – Командующий марсианским флотом, генерал Чжоу, – пожилой китаец с цепким взглядом. – Меня интересует практика. Если внимание уходит – что мы можем *сделать*?

– Исследовать, – ответила Юн. – Понять механизм. Найти способ привлечь внимание обратно.

– Как?

– Экспедиция в слепое пятно. Область, где внимание полностью ушло. Если там есть следы других цивилизаций...

– Если, – повторил Чжоу. – Много «если». Сколько это будет стоить?

– Корабль класса «Прорыв» с экипажем из тридцати человек. Шесть месяцев пути в одну сторону. Примерная стоимость – два миллиарда юаней.

– Два миллиарда на экспедицию, которая может ничего не найти.

– Два миллиарда на шанс спасти человечество, – поправила Юн. – Или, если хотите, два миллиарда на то, чтобы *узнать*, можно ли его спасти.

Тишина.

– Я поддерживаю экспедицию.

Голос Кастро – негромкий, но отчётливый. Все повернулись к ней.

Маршал встала. Прошла к центру зала – медленно, уверенно, как будто это было поле боя.

– Два миллиарда – это меньше, чем мы тратим на один крейсер, – сказала она. – Меньше, чем годовой бюджет любой военной операции в Поясе. И несравнимо меньше, чем цена бездействия.

– Маршал, – начал кто-то из делегатов, – вы предлагаете военным финансировать научную экспедицию?

– Я предлагаю военным *обеспечить* научную экспедицию. – Кастро обвела взглядом зал. – Экипаж, корабль, логистику. Это то, что мы умеем делать. Наука пусть останется учёным.

– Это неслыханно...

– Неслыханно – то, с чем мы столкнулись, – отрезала Кастро. – Угроза, которую нельзя победить оружием. Враг, которого нельзя убить. Что толку от флота, если через шестьсот лет не будет планет, которые нужно защищать?

Молчание.

Чен Вэй кашлянул.

– Маршал Кастро предложила обеспечить экспедицию силами Объединённого командования, – сказал он. – Есть возражения?

Возражений не было.

Голосование заняло десять минут.

Сорок три голоса за, семь против. Экспедиция была одобрена.

После объявления результатов зал наполнился гулом голосов – делегаты обсуждали, спорили, строили планы. Юн осталась у трибуны, собирая материалы. Руки слегка дрожали – от усталости, от напряжения, от чего-то, что она не могла назвать.

Они согласились. Они *поверили*.

Это было началом. Маленьким, хрупким – но началом.

– Доктор Ли.

Голос Кастро – рядом, неожиданно близко. Юн обернулась.

Маршал стояла в двух шагах, глядя на неё тем же оценивающим взглядом, что и утром.

– Могу я поговорить с вами наедине?

– О чём?

– О экспедиции. – Кастро чуть улыбнулась – той же тонкой, холодной улыбкой. – Есть детали, которые лучше обсудить без лишних ушей.

Юн колебалась. Что-то в этой женщине настораживало её – не открытая враждебность, а скрытый расчёт. Каждое слово Кастро было взвешено, каждый жест – продуман.

Но отказать было невозможно. Кастро только что спасла экспедицию – её поддержка переломила настроение зала.

– Хорошо, – сказала Юн. – Где?

– Здесь. – Кастро указала на боковую дверь. – Комната для переговоров. Пять минут. Она ушла, не дожидаясь ответа.

Комната для переговоров была той же, где они встречались утром, – овальный стол, экраны, приглушённый свет. Кастро уже сидела, когда Юн вошла.

– Закройте дверь, – сказала маршал.

Юн закрыла. Села напротив – на то же место, что и несколько часов назад.

– О чём вы хотели поговорить?

Кастро молчала. Смотрела на неё – долго, изучающе, как будто решала, сколько можно сказать.

– У меня есть сын, – сказала она наконец. – Диего. Капитан флота. Ему тридцать один год. Юн ждала продолжения.

– Он хороший офицер, – продолжила Кастро. – Один из лучших в своём поколении. Я не говорю это потому, что он мой сын – я говорю это потому, что это правда.

– Вы хотите включить его в экипаж экспедиции.

– Да.

– Почему?

Кастро откинулась в кресле. Металлические пальцы постукивали по столу – тот же ритм, что и утром.

– Когда информация станет публичной – а она станет, рано или поздно – начнётся хаос. Паника. Возможно – насилие. Я хочу, чтобы мой сын был далеко, когда это произойдёт.

Юн смотрела на неё. На лицо, изрезанное шрамами. На глаза, которые видели войны и катастрофы.

– Это единственная причина?

– Нет. – Кастро чуть наклонила голову. – Есть и другая. Если экспедиция найдёт что-то важное – я хочу, чтобы мой сын был там. Чтобы он знал правду первым. Чтобы он понимал, с чем мы имеем дело, прежде чем остальные.

– Вы готовите его к чему-то.

– Я готовлю его к *будущему*. – Кастро встала, подошла к окну. Дождь за стеклом усилился – крупные капли стекали по стеклу, размывая вид на озеро. – Через шестьсот лет не будет значения, кто был генералом, а кто – рядовым. Не будет значения, кто выиграл войны, а кто проиграл. Единственное, что будет иметь значение, – выжило ли человечество.

– И вы думаете, что Диего поможет ему выжить?

Кастро обернулась. В её глазах мелькнуло что-то – не тепло, но что-то близкое.

– Я думаю, что он заслуживает шанса попробовать.

Юн молчала. Она думала о матери – о томатах в лунной оранжерее, о голосе, который говорил «береги себя». О любви, которая не нуждалась в словах.

Кастро тоже любила своего сына. По-своему – жёстко, практично, как любят военные. Но любила.

– Я включу его в список кандидатов, – сказала Юн. – Окончательное решение – за командиром экспедиции.

– Справедливо. – Кастро кивнула. – Это всё, о чём я просила.

Она пошла к двери. Остановилась на пороге.

– Доктор Ли.

– Да?

– Вы сказали утром, что страдание – не причина внимания. Только корреляция.
– Я помню.
– Я хочу, чтобы вы были правы. – Голос Кастро был тихим, почти мягким. – Очень хочу.
Она вышла.
Юн осталась одна – с тяжестью в груди и вопросами, на которые не было ответов.

Формирование экипажа заняло неделю.

Юн не участвовала напрямую – это была работа военных и кадровых служб. Но она просматривала списки, изучала досье, давала рекомендации по научному составу.

Командиром назначили капитана Амара Сингха – ветерана дальних экспедиций, человека с репутацией того, кто умеет принимать решения в кризисных ситуациях. Юн читала его досье: сорок четыре года, сикх из Амритсара, разведён, двое детей на Земле. Лучший навигатор дальнего космоса в своём поколении.

В научный состав включили двенадцать человек – физиков, биологов, инженеров. Молодых, в основном – экспедиция была долгой и рискованной, не для тех, у кого много терять.

Одно имя привлекло её внимание. Рави Чакрабартти, двадцать девять лет, теоретическая физика. Вундеркинд – прорыв в квантовой гравитации в двадцать четыре года, приглашение в «Призму» в двадцать семь. Юн помнила его – мельком, по конференциям. Молодой, амбициозный, с голодными глазами.

Она включила его в список без колебаний. Если кто-то мог разобраться в физике Зрителей – это был он.

Имя Диего Кастро появилось на третий день. Офицер связи, ответственный за координацию с Землёй. Юн не удивилась – Кастро сдержала слово, не форсировала назначение. Диего прошёл отбор на общих основаниях.

К концу недели экипаж был сформирован. Тридцать человек – учёные, военные, техники. Лучшие из лучших.

Или, по крайней мере, те, кто был готов рискнуть.

Накануне отправления Юн получила сообщение от Кастро.

Короткое, без приветствия:

«Спасибо, что дали ему шанс. Я этого не забуду».

Юн долго смотрела на экран. Потом написала ответ – такой же короткий:

«Он заслужил его сам. Вы ни при чём».

Отправила. Закрыла терминал.

За окном лаборатории – лунная пустыня, серая и безжизненная. Звёзды над горизонтом – холодные, равнодушные.

Или не равнодушные. Может быть – *наблюдающие*.

Юн думала об экспедиции. О тридцати людях, которые завтра отправятся в неизвестность. О слепом пятне – области космоса, где никто не смотрит.

Что они там найдут?

Руины мёртвой цивилизации? Предупреждение? Ответы?

Или – ничего?

Она не знала. Никто не знал.

Но через шесть месяцев – они узнают.

Церемония отправления была скромной – не парад, не речи, просто короткое прощание на лётной палубе Ганимеда. «Периферия» – корабль класса «Прорыв», двести метров хромированной стали и технологий – ждала в доке, готовая к старту.

Юн не полетела на Ганимед лично – слишком много работы на Луне, слишком мало времени. Но она смотрела трансляцию, сидя в своей лаборатории.

Экипаж поднимался по трапу – один за другим, в форменных комбинезонах, с рюкзаками за плечами. Юн узнавала лица по досье: Амар Сингх – высокий, широкоплечий, с аккуратной бородой и тюрбаном. Рави Чакрабартти – худой, нервный, с оборудованием, которое он нёс сам, не доверяя грузчикам. Диего Кастро – молодой, уверенный, с улыбкой, которая напоминала улыбку матери – такая же тонкая, такая же холодная.

Последним шёл кто-то из техников – молодая женщина с нервной привычкой оглядываться назад. Юн не запомнила её имя, но запомнила взгляд – испуганный, неуверенный. Взгляд человека, который не знает, вернётся ли.

Никто не знал.

Люк закрылся. «Периферия» начала отстыковку – медленно, величественно, как кит, уходящий в глубину.

Юн смотрела, как корабль удаляется от станции. Как включаются маршевые двигатели – вспышка синего пламени в черноте космоса. Как «Периферия» разгоняется, набирая скорость, устремляясь к границе известного мира.

К слепому пятну.

К месту, где никто не смотрит.

Связь с кораблём поддерживалась через квантовые ретрансляторы – мгновенная, пока работала. Юн получала отчёты каждые сутки: координаты, состояние экипажа, технические данные.

Первые недели – рутина. Корабль двигался по расчётной траектории, экипаж адаптировался к невесомости и друг к другу. Рави Чакрабартти присылал ей личные сообщения – длинные, полные гипотез и уравнений. Его энтузиазм был заразителен; Юн ловила себя на том, что улыбается, читая его письма.

На третьей неделе – первая аномалия.

«Доктор Ли», – писал Амар Сингх. – «Концентрация внимания падает быстрее, чем мы ожидали. Мы входим в зону пониженной плотности раньше графика. Экипаж пока в норме, но некоторые жалуются на странные ощущения – трудно описать. Лейтенант Рашид говорит, что чувствует себя «размытой». Продолжаем движение».

Юн перечитала сообщение трижды. «Размытой». Что это значило?

Она связалась с Сяо Мэй, попросила поднять медицинские данные. Через час пришёл ответ: небольшие отклонения в нейроактивности у нескольких членов экипажа. Ничего критичного – но достаточно, чтобы насторожиться.

Мозг эволюционировал под постоянным вниманием Зрителей. Что происходит, когда внимание уходит?

Они собирались узнать.

На шестой неделе связь начала сбоить.

Квантовая запутанность – основа мгновенной связи – деградировала быстрее обычного. Сообщения приходили с пропусками, искажениями. Юн тратила часы на расшифровку, пытаясь понять, что происходит на корабле.

Отрывки:

«...экипаж напряжён... Аиша не выходит из каюты... странные сны...»
«...Рави работает без остановки... говорит, что близок к чему-то... глаза красные...»
«...Диего держится лучше других... военная подготовка... дисциплина...»

Последнее сообщение пришло на седьмой неделе – едва читаемое, с огромными пропусками:

«...приближаемся к... пятну... связь... скоро... сигнал... будем...»

После этого – тишина.

Юн сидела перед терминалом, глядя на пустой экран. Ждала – час, два, три. Ничего.

«Периферия» ушла в слепое пятно. В место, где никто не смотрит.

Теперь оставалось только ждать.

Ожидание было худшей частью.

Юн продолжала работать – анализировала данные, строила модели, готовила отчёты. Но часть её сознания постоянно была там – в черноте космоса, на борту корабля, который она не могла видеть и не могла слышать.

Тридцать человек. Лучшие из лучших. Отправленные в неизвестность по её рекомендации.

Если они не вернуться – это будет её вина.

Сяо Мэй пыталась утешить – по-своему, неуклюже.

– Они знали, на что идут, – говорила она. – Это был их выбор.

– Я дала им этот выбор, – отвечала Юн. – Я рассказала им о слепых пятнах. Я предложила экспедицию.

– Ты предложила шанс. Не вина.

Юн молчала. Логика Сяо Мэй была безупречной – и абсолютно бесполезной.

Прошло три месяца.

Потом – четыре.

На исходе пятого месяца – сигнал.

Слабый, искажённый, едва различимый сквозь помехи. Но – сигнал.

Юн была в лаборатории, когда терминал ожил. Она уставилась на экран, не веря своим глазам.

«...Периферия... возвращаемся... нашли... важно... Юн... слушай...»

Голос Амара Сингха – хриплый, усталый, но живой.

«...руины... цивилизация... миллиард лет... предупреждение... устройство...»

Пропуски. Помехи. Обрывки слов.

«...Рави... контакт... изменился... не знаю как объяснить...»

«...возвращаемся... данные... всё изменит...»

«...скажи... Кастро... её сын... в порядке...»

Сигнал оборвался.

Юн сидела неподвижно, глядя на экран. Сердце колотилось так, что она слышала его стук в ушах.

Они живы. Они возвращаются. Они что-то нашли.

Она потянулась к терминалу. Набрала сообщение для Кастро – короткое, торопливое:

«Сигнал от «Периферии». Они возвращаются. Диего в порядке».

Отправила.

Потом откинулась в кресле и впервые за пять месяцев – заплакала.

Глава 5: Отправление

Космопорт Ганимеда никогда не спал.

Амар Сингх стоял у панорамного окна терминала, глядя на корабли, которые приходили и уходили – грузовые баржи с астероидными рудами, пассажирские лайнеры на маршруте Земля-Юпитер, военные крейсера, патрулирующие внешние границы Союза. Муравейник активности, не замолкающий ни на секунду.

За его спиной шумел зал ожидания – голоса, шаги, объявления о рейсах. Обычные звуки обычного дня. Люди летели по своим делам, не подозревая, что мир изменился. Что через шестьсот лет всё это перестанет существовать.

Амар знал. Он прочитал досье – полное, неотредактированное, с грифом «Совершенно секретно». Знал о Зрителях, о падающем внимании, о слепых пятнах. Знал, куда его отправляют и зачем.

И всё равно согласился.

Почему? Он задавал себе этот вопрос последние две недели – с того момента, как пришёл вызов из штаба. Экспедиция в неизвестность. Шесть месяцев пути. Риски – неопределённые.

Он мог отказаться. У него было право – двадцать лет безупречной службы, репутация лучшего навигатора дальнего космоса, медали и благодарности. Никто не осудил бы его за отказ.

Но он согласился.

Почему?

Амар смотрел на своё отражение в стекле – высокий, широкоплечий, с аккуратно подстриженной бородой и тюрбаном, который он носил даже в космосе. Сорок четыре года. Половина жизни – если медицина не подведёт. Достаточно времени, чтобы сделать что-то важное.

Или достаточно времени, чтобы бежать.

От чего он бежал? От детей, которых видел раз в год? От бывшей жены, чьё лицо он уже не мог вспомнить без фотографии? От пустой квартиры на Земле, куда он возвращался только чтобы постирать вещи?

Он бежал от близости. От боли, которую она приносила. От ответственности за чужое счастье, которую он не умел нести.

В космосе было проще. В космосе были только корабль, экипаж и звёзды. Простые уравнения, решаемые задачи. Ничего личного.

Но эта экспедиция была другой. Тридцать человек на полгода в замкнутом пространстве. Он будет отвечать за каждого из них. За их жизни, их здоровье, их рассудок.

И если что-то пойдёт не так – это будет его вина.

Амар вздохнул. Отвернулся от окна.

Пора было встречать экипаж.

Сборный пункт располагался в секции В-7 – закрытой зоне, доступной только по спецпропускам. Амар пришёл первым, как и планировал. Командир должен быть на месте раньше подчинённых – это правило он усвоил ещё в академии.

Помещение было стандартным – ряды кресел, экраны с инструкциями, автоматы с кофе и водой. Ничего особенного. Ничего, что выдавало бы важность миссии.

Первым прибыл Диего Кастро.

Молодой, уверенный, с улыбкой, которая не касалась глаз. Офицер связи – формально подчинённый Амара, неформально – глаза и уши своей матери. Амар прочитал его досье; знал, кто он и откуда. Знал о маршале Кастро и её влиянии.

Это усложняло дело.

– Капитан Сингх. – Диего козырнул, протянул руку. – Честь служить под вашим командованием.

Амар пожал руку – крепко, но без лишнего давления.

– Добро пожаловать на борт, лейтенант. Как добрались?

– Без проблем. – Диего огляделся. – Я первый?

– Первый из офицеров.

Диего кивнул. Сел в одно из кресел, достал планшет. Его движения были точными, экономными – военная подготовка. Хорошая выправка, хорошая дисциплина.

Но что-то в нём настораживало Амара. Может быть, улыбка, которая появлялась и исчезала по расписанию. Может быть, взгляд – слишком оценивающий для тридцатилетнего лейтенанта.

Или, может быть, просто тень матери, которая стояла за ним.

Экипаж прибывал группами.

Сначала – научный состав. Двенадцать человек, большинство – молодые, с горящими глазами. Физики, биологи, инженеры. Люди, для которых экспедиция была шансом войти в историю.

Амар знакомился с каждым – рукопожатие, короткий разговор, оценивающий взгляд. Он искал слабые звенья, потенциальные проблемы. В шестимесячном полёте любой конфликт мог стать смертельным.

Доктор Чэнь, специалист по ксенобиологии, – спокойный, методичный, с привычкой говорить тихо и взвешенно. Хороший.

Инженер Мюррей – громкий, порывистый, с нервным смехом. Потенциальная проблема в замкнутом пространстве.

Лейтенант Аиша Рашид, инженер систем жизнеобеспечения, – молодая, компетентная, с нервной привычкой постоянно проверять свои инструменты. Будет хорошо работать под давлением или сломается первой.

Последним из учёных прибыл Рави Чакрабарти.

Амар заметил его сразу – худой, высокий, с вьющимися чёрными волосами и глазами, которые, казалось, смотрели сквозь людей. Он тащил на себе три кейса с оборудованием – не доверил грузчикам, нёс сам.

– Доктор Чакрабарти? – Амар шагнул навстречу.

Рави поднял голову. Моргнул, словно возвращаясь откуда-то издалека.

– Да. Капитан Сингх?

– Он самый. – Амар указал на кейсы. – Помощь нужна?

– Нет. – Рави прижал кейсы крепче. – Это деликатное оборудование. Детекторы направленного внимания. Мои собственные разработки.

– Понимаю. – Амар не стал настаивать. – Добро пожаловать на борт. Ваша каюта – в научном секторе, номер четырнадцать.

– Спасибо. – Рави уже смотрел мимо него – на экран с расписанием. – Когда начинается предполётная конференция?

– Через два часа.

– Хорошо. Мне нужно настроить оборудование. – Он пошёл к выходу, потом остановился, обернулся. – Капитан. Вы читали досье? Знаете, куда мы летим?

– Знаю.

– И вас это не пугает?

Амар помедлил с ответом. Что сказать? Что он боится каждый раз, когда ведёт корабль в неизвестность? Что страх – это нормально, главное – не позволять ему управлять решениями?

– Страх – это данные, – сказал он наконец. – Он говорит нам, что опасность реальна. Но он не говорит, что делать с этой опасностью. Это решаем мы.

Рави смотрел на него – долго, оценивающе. Потом кивнул.

– Интересный подход. – И ушёл, не прощаясь.

Амар смотрел ему вслед. Гений, судя по досье. Прорыв в квантовой гравитации в двадцать четыре года. Приглашение в «Призму» в двадцать семь.

И голодные глаза человека, который никогда не насытится.

Это будет интересный полёт.

Рави нашёл свою каюту – маленькую, функциональную, с койкой, столом и шкафом. Стандарт для научного персонала. Он не обратил на неё внимания – сразу начал распаковывать оборудование.

Три кейса. Шесть лет работы. Всё, что он знал о внимании Зрителей – сконцентрированное в приборах, которые он разработал сам.

Детекторы направленного внимания – официальное название. Неофициальное – «глаза наружу». Приборы, которые могли измерить не только *концентрацию* внимания в точке пространства, но и *направление* – откуда оно приходит.

Если теория Юн Ли была верна – а Рави не сомневался, что верна – его приборы могли показать, куда именно смотрят Зрители. Не просто «наружу» – а конкретную точку в... в чём? В гиперпространстве? В измерении, которому не было названия?

Он собирался выяснить.

Рави подключил первый прибор к питанию. Экран ожил – калибровка, диагностика, настройка. Привычные процедуры, которые он мог выполнять с закрытыми глазами.

Пока прибор загружался, он думал о том, что их ждёт.

Слепое пятно. Область космоса, где нет внимания. Где никто не смотрит.

Что это значит – *физически*? Доктор Ли говорила о гравитационных аномалиях, о нестабильности структур, о возможном распаде материи. Но это были теории. Догадки. Никто не был там, чтобы проверить.

Они будут первыми.

Рави чувствовал, как внутри поднимается волна возбуждения – та же, что он испытывал перед каждым важным экспериментом. Голод. Жажда знания. Потребность *понять*, которая была сильнее страха, сильнее здравого смысла.

Мать никогда не понимала этого. Она хотела, чтобы он стал врачом – стабильная профессия, достойный доход, уважение общества. Он выбрал физику – потому что врач лечит тела, а физик понимает Вселенную.

Она плакала, когда он улетал в Беркли. Плакала, когда он получил приглашение на Марс. Плакала, когда узнала об экспедиции.

«Береги себя, бета», – сказала она в последнем сообщении. – «Возвращайся ко мне».

Он не ответил. Не знал, что сказать. Обещать, что вернётся? Это было бы ложью – он не знал, вернётся ли.

Прибор закончил калибровку. Рави посмотрел на данные – стандартная концентрация внимания для орбиты Ганимеда, стандартные векторы. Ничего необычного.

Пока.

Через шесть месяцев всё изменится.

Предполётная конференция собрала весь экипаж – тридцать человек в главном конференц-зале «Периферии». Корабль ещё стоял в доке, но системы уже работали; воздух пах новизной, стерильностью, ожиданием.

Амар стоял перед экраном, глядя на лица. Молодые, в основном – средний возраст экипажа был тридцать два года. Он был самым старшим.

– Добро пожаловать на борт «Периферии», – начал он. – Для тех, кто не знает меня лично – я капитан Амар Сингх. За двадцать лет службы я провёл одиннадцать дальних экспедиций, включая первый пилотируемый полёт к облаку Оорта. Я знаю, как выживать в глубоком космосе.

Он сделал паузу, обвёл взглядом зал.

– Но эта миссия – другая. Вы все читали досье. Вы знаете, куда мы летим и зачем. Слепое пятно – область космоса, где нет внимания Зрителей. Что нас там ждёт – неизвестно. Может быть, ничего. Может быть, ответы на вопросы, которые определяют будущее человечества. Может быть – опасность, которую мы не можем предвидеть.

Тишина. Лица – серьёзные, сосредоточенные.

– Я не буду врать вам, – продолжил Амар. – Эта миссия опасна. Мы не знаем, что произойдёт с нами в зоне без внимания. Мы не знаем, сможем ли вернуться. Каждый из вас подписал согласие на участие – но если кто-то передумал, сейчас последний шанс уйти. Без последствий, без вопросов.

Молчание.

Никто не встал.

Амар кивнул – медленно, с уважением.

– Хорошо. Тогда – к делу.

Он переключил экран. Появилась схема маршрута – спираль, уходящая от Юпитера к границе Солнечной системы и дальше, в межзвёздную пустоту.

– Наша цель – область, обозначенная как «Слепое пятно Дельта-7». Расстояние – около двух световых лет от Солнца. Время в пути – шесть месяцев при максимальном ускорении. Мы будем поддерживать связь с Землёй через квантовые ретрансляторы, но по мере приближения к цели связь может ухудшиться.

– Насколько ухудшиться? – спросил кто-то из задних рядов.

– Неизвестно. – Амар не стал смягчать. – Квантовая запутанность, на которой основана связь, может деградировать в зоне низкого внимания. Мы будем отправлять отчёты ежедневно, но ответы могут приходиться с задержкой или не приходиться вовсе.

Тревога на лицах. Амар видел её – и принимал. Лучше знать правду заранее, чем столкнуться с ней неподготовленными.

– Теперь – распределение обязанностей. Научная программа – под руководством доктора Чэня. Ваша задача – собирать данные о физических условиях в слепом пятне, искать следы других цивилизаций, если они есть. Техническое обеспечение – инженер Мюррей. Связь и координация – лейтенант Кастро. Системы жизнеобеспечения – лейтенант Рашид.

Он перечислил остальных – коротко, чётко. Каждый должен знать своё место и свою роль.

– Вопросы?

Рави поднял руку.

– Доктор Чакрабарти?

– Каков протокол, если мы обнаружим... артефакты? Следы разумной деятельности?

Амар посмотрел на него. Голодные глаза горели – даже ярче, чем обычно.

– Документировать, не трогать, – ответил он. – Любой контакт с неизвестными объектами – только после моего разрешения и с соблюдением протоколов безопасности.

– А если объект требует непосредственного взаимодействия для изучения?

– Тогда мы обсудим это. Вместе. – Амар выдержал его взгляд. – Доктор Чакрабарти, я понимаю ваш энтузиазм. Но безопасность экипажа – приоритет. Никаких самостоятельных экспериментов.

Рави молчал. Потом кивнул – коротко, неохотно.

– Понял, капитан.

Амар не был уверен, что тот *действительно* понял. Но это был разговор на потом.

– Если вопросов больше нет – расходимся. Старт через четыре часа. Всем быть на местах за час до отправления.

Люди начали вставать, расходиться. Гул голосов наполнил зал.

Амар остался стоять у экрана, глядя на схему маршрута. На спираль, уходящую в неизвестность.

Шесть месяцев.

Тридцать человек.

Одна миссия.

Он был готов. Или думал, что готов.

Разница выяснится позже.

За час до старта Аиша Рашид в последний раз проверяла системы жизнеобеспечения.

Это была её работа – следить за тем, чтобы корабль дышал, пил, ел. Воздух, вода, пища. Три столпа, на которых держалась жизнь в космосе.

Она прошла по техническому коридору, сверяясь с показаниями на планшете. Давление в норме. Кислород в норме. Рециркуляция воды – в норме.

Всё работало. Всё было готово.

Так почему она не могла избавиться от ощущения, что что-то не так?

Аиша остановилась у смотрового окна. За стеклом – док, стыковочные конструкции, звёзды за ними. Обычный вид. Обычный день.

Но день не был обычным. И она – не обычный инженер на рядовом рейсе.

Она добровольно согласилась на миссию, которая могла стоить ей жизни. Зачем?

«Потому что это важно», – сказала она себе. Стандартный ответ. Правильный ответ.

Но был и другой – тот, который она не говорила вслух.

Она согласилась, потому что хотела *быть частью чего-то*. Чего-то большего, чем ремонт кондиционеров и калибровка фильтров. Чего-то, что имело значение.

Тщеславие? Может быть. Но какое это имело значение теперь?

Планшет пискнул – напоминание. Тридцать минут до старта.

Аиша вздохнула. Пошла обратно – к своему посту, к своим обязанностям, к жизни, которую она выбрала.

Что бы ни ждало их впереди – она была готова это встретить.

Или, по крайней мере, – притворяться готовой.

Диего Кастро сидел в каюте, глядя на экран с последним сообщением от матери.

Короткое, как всегда. Маршал Кастро не тратила слов попусту.

«Диего. Экспедиция одобрена. Ты включён в экипаж. Будь внимателен. Слушай. Запомни. Возвращайся живым».

Ни «люблю тебя». Ни «береги себя». Только инструкции.

Он привык. С детства – только инструкции. «Делай это». «Не делай того». «Будь лучшим». «Не подведи».

Он не подводил. Никогда.

Академия – первый в выпуске. Служба – безупречная характеристика. Операции в Поясе – две благодарности, одна медаль.

Мать гордилась. По-своему – молча, скупно, через дела, а не слова.

Он знал, что она любит его. Знала это и она. Просто... они не умели говорить об этом. Не умели *быть* вместе – как обычные семьи, с объятиями и признаниями.

Может быть, когда-нибудь. После экспедиции. После того, как он вернётся.

Если вернётся.

Диего закрыл сообщение. Встал. Проверил форму в зеркале – всё безупречно, как всегда. Пора было занять пост.

«Периферия» отстыковалась от Ганимеда в 14:00 по стандартному времени Союза.

Амар сидел в капитанском кресле на мостике, наблюдая за процедурой. Плавное отделение от стыковочных захватов. Короткий импульс маневровых двигателей. Корабль начал дрейфовать от станции – медленно, величественно.

Экраны показывали всё: расстояние до станции, скорость, курс, состояние систем. Зелёные огни – всё в норме.

– Отстыковка завершена, – доложил штурман, лейтенант Ковальски. – Курс проложен. Готовы к разгону.

– Начинайте разгон, – скомандовал Амар.

Гул двигателей – низкий, мощный, проходящий через корпус. Звёзды за окнами начали медленно смещаться.

Амар смотрел на них. На Ганимед, уменьшающийся в дисплеях. На Юпитер – гигант с красным глазом, который провожал их.

Прощай, знакомый мир.

Здравствуй, неизвестность.

На лунной базе «Призма» Юн Ли смотрела трансляцию отправления.

Маленький экран в углу лаборатории – единственная связь с кораблём, который уносил тридцать человек в пустоту. Она видела, как «Периферия» отделилась от станции. Как включились двигатели. Как корабль начал разгон.

Синяя вспышка пламени. Хвост плазмы, тянущийся за кормой.

Красиво. И страшно.

Юн думала о людях на борту. О Рави Чакрабартти – молодом, талантливом, голодном. О капитане Сингхе – спокойном, надёжном, несущем бремя ответственности. О Диго Кастро – сыне женщины, которая пугала её больше, чем Зрители.

Они летели в неизвестность. По её рекомендации. По её данным.

Если что-то пойдёт не так – это будет её вина.

– Они справятся, – сказала Сяо Мэй. Она стояла рядом, тоже глядя на экран.

– Ты не можешь этого знать.

– Нет. Но я могу верить.

Юн молчала. Вера не была её сильной стороной. Она верила в данные, в уравнения, в воспроизводимые эксперименты. Не в людей.

Но сейчас – только люди могли найти ответы. Люди на корабле, который уходил всё дальше от дома.

– Удачи, – прошептала она, глядя на синюю точку, исчезающую в черноте.

Корабль не мог её слышать. Но ей нужно было сказать это.

Нужно было *верить*.

Первая неделя прошла в рутине.

Амар установил расписание – строгое, но не жёсткое. Восемь часов работы, восемь часов отдыха, восемь часов личного времени. Регулярные собрания, отчёты, проверки систем.

Экипаж притирался друг к другу. Неизбежные мелкие конфликты – кто занял чужое место в столовой, кто слишком громко храпит в соседней каюте, кто не убрал за собой в душевой. Амар разрешал их быстро, без драмы.

Научная программа шла по плану. Рави устанавливал свои детекторы, снимал показания, строил графики. Концентрация внимания пока оставалась стабильной – они ещё не вышли за пределы «наблюдаемой зоны».

На пятый день Амар вызвал Рави на приватный разговор.

Каюта капитана была чуть больше остальных – привилегия звания. Рави сел в кресло напротив стола, скрестив руки на груди. Настороженный.

– Расслабьтесь, – сказал Амар. – Это не выговор.

– Тогда что?

– Просто разговор. – Амар откинулся в кресле. – Вы учёный. Я – военный. Разные миры. Я хочу понять, как вы думаете.

Рави молчал. Изучал его – теми же голодными глазами, что при первой встрече.

– Зачем?

– Потому что мы проведём вместе шесть месяцев. Потому что в критической ситуации мне нужно знать, как вы отреагируете. Потому что... – Амар помедлил. – Потому что я видел таких, как вы. Талантливых. Одержимых. Готовых на всё ради открытия.

– И что с ними случилось?

– Одни – совершили прорывы. Другие – погибли. Третьи – погубили тех, кто был рядом. Рави молчал. Потом – неожиданно – усмехнулся.

– Вы прямолинейный человек, капитан.

– Я не умею иначе.

– Это... освежает. – Рави расслабился – чуть, едва заметно. – Что вы хотите знать?

– Всё. – Амар подался вперёд. – Начните с того, зачем вы здесь. Настоящий ответ, не официальный.

Рави смотрел на него. Долго. Потом заговорил – тихо, почти нехотя.

– Я хочу *понять*. – Он произнёс это слово так, словно оно весило тонну. – Всю жизнь я хотел понять, как устроена Вселенная. Квантовая гравитация, тёмная энергия, теория всего – я думал, что ответы где-то там, в уравнениях.

– А теперь?

– Теперь я знаю, что ответы – *снаружи*. – Рави наклонился вперёд, глаза горели. – Зрители, капитан. Они видят нашу Вселенную извне. Они знают то, чего мы не можем знать, находясь внутри. Если я смогу понять *их* – я пойму всё.

– И ради этого вы готовы рискнуть жизнью?

– Я готов рискнуть чем угодно.

Амар смотрел на него. На молодое лицо, на горящие глаза, на руки, которые слегка дрожали от возбуждения.

Одержимость. Чистая, неразбавленная одержимость.

Опасно. Очень опасно.

– Доктор Чакрабартти, – сказал Амар медленно. – Я уважаю вашу страсть. Но на этом корабле – тридцать человек. Их жизни – важнее любого открытия. Вы понимаете это?

Рави молчал. Амар видел, как что-то мелькнуло в его глазах – сопротивление? Несогласие?

– Я понимаю, – сказал Рави наконец.

Амар не был уверен, что это правда. Но разговор – хотя бы начало.

– Хорошо. Можете идти.

Рави встал. Пошёл к двери. Остановился.

– Капитан.

– Да?

– Если мы найдём что-то там... что-то, что может объяснить Зрителей... вы позволите мне изучить это?

Амар молчал. Думал о том, что они могли найти. О рисках. О возможностях.

– Если это будет безопасно – да.

– А если нет?

– Тогда мы обсудим.

Рави кивнул. Вышел.

Амар остался один. Смотрел на закрытую дверь.

Этот молодой человек принесёт либо великое открытие, либо великую беду. Третьего варианта Амар не видел.

Оставалось надеяться, что будет первое.

Вторая неделя принесла первые изменения.

Рави заметил их первым – показания его детекторов начали колебаться. Концентрация внимания, стабильная с момента отправления, стала снижаться. Медленно, почти незаметно – но снижаться.

– Мы входим в зону перехода, – доложил он на утреннем собрании. – Граница между «наблюдаемым» и «ненаблюдаемым» пространством.

– Что это означает практически? – спросил Амар.

– Пока – ничего. Мы всё ещё под наблюдением, просто менее интенсивным. – Рави вывел график на общий экран. – Видите? Линия идёт вниз, но плавно. Никаких скачков.

– Когда ожидаете резкое падение?

– Через три-четыре недели. Когда войдём в само слепое пятно.

Амар кивнул. Посмотрел на экипаж – лица были спокойными, но он видел тревогу в глазах.

– Продолжаем по плану, – сказал он. – Доктор Чакрабарти, ежедневные отчёты о показаниях. Любые аномалии – немедленно мне.

– Понял.

– Все остальные – штатный режим. Вопросы?

Аиша подняла руку.

– Лейтенант Рашид?

– Сэр, если внимание падает... что мы будем чувствовать?

Тишина.

Амар посмотрел на Рави – тот пожал плечами.

– Неизвестно. Теория предполагает возможные психологические эффекты – депрессия, деперсонализация, ощущение нереальности. Но это только теория. Никто не проверял.

– Мы будем первыми, – сказала Аиша тихо.

– Да, – подтвердил Амар. – Мы будем первыми. И мы справимся. Как справлялись с другими неизвестными. – Он обвёл взглядом зал. – Мы – команда. Это значит, что мы следим друг за другом. Если кто-то заметит что-то странное – в себе или в других – немедленно докладывайте. Мне или доктору Чэню.

Кивки. Напряжённые, но согласные.

– Собрание окончено. По местам.

Ночью Амар не спал.

Это было привычно – он редко спал хорошо в первые недели экспедиции. Слишком много мыслей, слишком много ответственности.

Он лежал в темноте, глядя в потолок. Думал о детях – Прити и Арджуне, которых он видел раз в год. О том, как они растут без него. О том, что он пропустил первые шаги Прити и первое слово Арджуна.

Он был плохим отцом. Знал это. Принимал.

Но принятие не убирало боль.

Майя – бывшая жена – однажды сказала ему: «Ты любишь пустоту больше, чем людей». Он не спорил. Не потому что согласился – потому что не знал, как объяснить.

Он не любил пустоту. Он *понимал* её. Пустота была честной – холодной, безразличной, но честной. С ней не нужно было притворяться. Не нужно было быть тем, кем ты не являешься.

С людьми – сложнее. Люди требовали эмоций, присутствия, внимания. Того, чего он не умел давать.

Или не хотел?

Амар перевернулся на бок. Закрыв глаза.

Тридцать человек на борту. Тридцать жизней под его ответственностью.

Ради них – он научится давать то, что нужно. Ради миссии. Ради того, чтобы привести их домой.

Если получится.

На третьей неделе Рави совершил прорыв.

Он ворвался на мостик посреди смены – взъерошенный, с горящими глазами, с планшетом в руках.

– Капитан! Вам нужно это видеть.

Амар повернулся от экрана.

– Что случилось?

– Я нашёл паттерн. – Рави подбежал к главному дисплею, подключил планшет. – Смотрите.

На экране появился график – волнообразные линии, пересекающие друг друга.

– Это показания моих детекторов за последние пять дней, – объяснил Рави. – Я искал корреляции между падением внимания и другими параметрами. И нашёл.

– Что именно?

– Внимание падает не равномерно. – Рави указал на пики и впадины. – Есть флуктуации. Небольшие, но измеримые. И они коррелируют с... – он сделал паузу, словно сам не верил. – С нашей активностью.

Амар нахмурился.

– Объясните.

– Когда на корабле происходит что-то необычное – собрание, эксперимент, даже просто оживлённый разговор – концентрация внимания *растёт*. Немного, на доли процента, но стабильно. Когда все спят или занимаются рутинной – падает.

Тишина на мостике. Все смотрели на экран.

– Вы хотите сказать... – начал Диего.

– Я хочу сказать, что они следят за *нами*, – закончил Рави. – Конкретно за нами. Экипажем «Периферии». Им интересно, что мы делаем.

Амар смотрел на график. На волны, которые повторяли ритм жизни корабля.

– Это точно?

– Девяносто четыре процента статистической значимости. – Рави почти светился. – Капитан, вы понимаете, что это значит? Мы – не просто наблюдаемые объекты. Мы – *интересные* наблюдаемые объекты. Экспедиция в слепое пятно привлекла их внимание. Они *хотят знать*, что мы найдём.

– Или они смотрят, как мы погибнем, – сказала Аиша тихо.

Рави осёкся. Посмотрел на неё.

– Возможно, – признал он. – Но... какая разница? Главное – они смотрят. Это значит, что мы можем *влиять* на их внимание. Понимаете? Если мы будем делать что-то достаточно интересное...

– Достаточно, – перебил Амар. – Доктор Чакрабарти, это важное открытие. Включите его в отчёт для Земли.

– Но...

– Это *приказ*. – Голос Амара был твёрдым. – Мы здесь не для того, чтобы ставить эксперименты на Зрителях. Мы здесь, чтобы найти информацию и вернуться живыми. Не забывайте об этом.

Рави молчал. Амар видел, как что-то мелькнуло в его глазах – разочарование? Обида?

– Понял, капитан, – сказал он наконец.

– Хорошо. Продолжайте наблюдения. И... – Амар чуть смягчил тон. – Хорошая работа. Это важные данные.

Рави кивнул. Вышел – быстро, не оглядываясь.

Амар смотрел ему вслед. Думал о том, что только что произошло.

Зрители следили за ними. За экспедицией. За *интересной* экспедицией.

Это было хорошо – значит, внимание не полностью ушло.

И плохо – потому что теперь Рави знал, как его привлечь.

На исходе четвёртой недели связь с Землёй начала сбоить.

Первые признаки – задержки в ответах. Сообщения, которые приходили не полностью. Слова, обрезанные на середине.

Диего бился над проблемой сутки – перенастраивал ретрансляторы, проверял квантовые пары, запускал диагностику. Ничего не помогало.

– Это не техническая проблема, – доложил он Амару. – Квантовая запутанность деградирует. Сами частицы теряют когерентность.

– Из-за низкого внимания?

– Вероятно. – Диего пожал плечами. – Теория доктора Ли предполагает, что внимание Зрителей стабилизирует квантовые состояния. Без него – декогеренция ускоряется.

– Сколько у нас времени?

– При текущей скорости деградации – две-три недели до полной потери связи.

Амар кивнул. Это было ожидаемо – но от того не легче.

– Удвоить частоту отчётов. Всё важное – отправлять немедленно. Пока можем.

– Понял.

В тот вечер Амар записал личное сообщение. Не для штаба – для детей.

«Прити, Арджун. Это папа. Я знаю, что редко пишу. Знаю, что редко вижу с вами. Но я хочу, чтобы вы знали – я думаю о вас. Каждый день. Каждый час.

Я сейчас далеко – очень далеко. Там, где даже сообщения приходят не всегда. Но я вернусь. Обещаю.

Берегите маму. Берегите друг друга.

Я люблю вас».

Он отправил сообщение. Не знал, дойдёт ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.